

На правах рукописи

РАХМАНОВ БАХТИЕР РУЗИКУЛОВИЧ

**ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ
РУССКО-ВОСТОЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА**

**10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(таджикская литература)**

**Автореферат на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Душанбе – 2018

Работа выполнена на кафедре мировой литературы Межгосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российско-Таджикский (славянский) университет»

Научный консультант: академик АН Республики Таджикистан, доктор филологических наук, профессор
Имомзода Мухаммадюсуф Сайдали

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор кафедры современной таджикской литературы Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова
Ходжаева (Мирзоюнус) Матлюба Юнусовна

доктор филологических наук, директор Центральной научной библиотеки им. И. Ганди АН РТ **Суфиев Шодимахмад Зикриевич**

доктор филологических наук, профессор кафедры таджикской литературы Курган-Тюбинского государственного университета им. Носира Хусрава **Икромов Искандар**

Ведущая организация: Таджикский государственный институт языков им. Сотима Улугзаде

Защита состоится 28.09 2018 года в 13:00 часов на заседании диссертационного совета Д 737.004.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Таджикском национальном университете (734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 21).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте www.tnu.tj Таджикского национального университета (734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 21).

Автореферат разослан _____ 2018 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Садуллаев Д.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Единство исторического мирового процесса предполагает многовекторное культурное взаимодействие между народами. Литературные связи, в частности России и стран Востока, проявляются как закономерность развития мировой литературы. Каждая историческая и культурная эпоха предлагала своё видение отношений Востока и Запада, как и первая треть XIX века, характеризующаяся обширным духовным и культурным освоением Востока, связанным с романтическим восприятием ориентализма русской литературой.

Многие восточные сказочные и героические сюжеты, назидательные притчи, образы и мотивы персидско-таджикской лирики, проникнув через западную литературу в устное и письменное творчество славянских народов, «вписались» в контекст их национальной культуры. Известно, что первоначально перевод произведений персидско-таджикской литературы на русский язык осуществлялся в XVIII веке через европейские языки, а уже в XIX веке появляются переводы и переложения творений классиков Востока, выполненные непосредственно с восточных языков, благодаря чему процесс освоения восточной литературы значительно активизируется. Русский ориентализм начала XIX века, как многогранное литературное явление, представлен творчеством поэтов разных течений романтизма. Так, В.А. Жуковский познакомил русского читателя с достижениями европейской романтической ориенталистики. О.И. Сенковский преподнес любителям чтения переводные и оригинальные восточные повести. А.А. Бестужев-Марлинский в критических статьях рассмотрел процесс становления русской романтической эстетики во взаимосвязи с восточной литературой, написал повести и стихотворения на восточные темы. Д.П. Ознобишин (Делибюрадер) пропагандировал восточную литературу переводами из Саади и Хафиза и «восточными» повестями. Привлекли внимание русского читателя и переложения А.И. Подолинского, М.Д. Деларю и В.Н. Григорьева.

Актуальность реферируемого исследования связана с необходимостью изучить *идейно-художественную сущность рецепции персидско-таджикской литературы русским романтизмом в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века* с учетом новых подходов в сфере сравнительного литературоведения к оценке художественно-эстетических явлений, переосмысления методологии и методов исследования в условиях государственной независимости и глобализации.

Это позволяет проанализировать восприятие и особенности освоения произведений персидско-таджикской классики русским литературным процессом, трансформацию образов, мотивов и тем, проблемы перевода и переложений иноязычной поэзии. В связи с этим выбор темы диссертации

связан с определением места и роли персидско-таджикской литературы в контексте русско-восточных литературных связей.

Степень разработанности темы. Следует отметить, что вклад таджикского литературоведения в исследование таджикско-русских и гораздо шире - западно-восточных литературных связей в данном периоде, значителен.

Примером таких исследований могут быть диссертации Т.М. Гольц «К проблеме влияния таджикско - персидской литературы на русскую литературу 20-30-х г. XIX в.» (1980), И.М. Маленького «Персидско-таджикская литература в украинских переводах» (1990), Д.Х. Алимовой «Восприятие и осмысление персидско-таджикской литературы русской критикой первой половины XIX в.» (1995); исследования Н.Н. Холмухамедовой «Русско-восточные литературные связи в первой трети XIX века (Восток и декабристы)» (1992), А.Р. Гейзер «Первые встречи. Русская литература XVIII века. Источники. Посредники. Новые факты» (1999), Р.М. Сафиуллиной «Восточные мотивы в русской поэзии конца XIX – начала XX века» (1992); работа Х. Шодикулова, А. Давронова «Издревле сладостный союз...» (очерки истории таджикско-русских литературных связей) (2006).

Не потеряли своей теоретической актуальности научные работы по литературным связям М. Шукурова¹, Х. Шодикулова², Р. Мусулмонкулова³, А. Сайфуллаева⁴, С.Ш. Табарова⁵.

Значимыми для нашей темы являются исследования по ориентализму в творчестве А.С. Пушкина⁶: диссертации Д.Т. Атаханова «Восточные

¹ «Пайванди замонҳо ва халқҳо» («Связь времен и народов») (1982), «Обновление. Таджикская проза сегодня» (1986).

² «Ҳабиб Юсуфӣ ва Лермонтов» (1967), «Кохи ёдгор» («Памятник нерукотворный»). К проблеме западно-восточного литературного синтеза в творчестве А.С. Пушкина» (1974), «Пушкин как вершина Памира» (1999), «Бобои Крылов ва масалҳои ӯ» (2000).

³ «Талаби замон ва робитаи адабӣ» («Взаимосвязь и взаимообогащение многонациональной советской литературы») (1973), «Дарахти дӯсти биншон...» («Литературный процесс сегодня») (1987).

⁴ «Дӯсти адабиётҳо – дӯсти халқҳо» («Дружба народов – дружба литератур») (1975), «Проблемы литературных связей» (1976), «Проблемы взаимодействия литератур» (1976), «В единстве и родстве» («К проблеме национального и интернационального в литературах Средней Азии») (1989).

⁵ «Ҳаёт, адабиёт, реализм» («Жизнь, литература, реализм»): в 5 кн. (1966).

⁶ В российском литературоведении эта тема рассматривалась во многих исследованиях: Н.М. Лобикова «Пушкин и Восток: очерки» (1974); «Пушкин в странах зарубежного Востока»: сб. ст. (1979); «Творчество Пушкина и зарубежный Восток»: сб. ст. (1991); «Наш Пушкин. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина»: сб. ст. (1999); «Пушкин и мир Востока»: сб. ст. (1999); Л.А. Шейман, Г.У. Соронкулов «Пушкин и его современники: Восток и Запад» (2000); Захра Мохаммади «Пушкин и Хафиз: к проблеме «восточного слога» в творчестве Пушкина» (2008).

мотивы в творчестве А.С.Пушкина» (2000) и Х.Р. Холова «История и принципы перевода лирической поэзии А.С.Пушкина в таджикской литературе» (2000); Материалы юбилейной международной научной конференции «Пушкин А.С. и Восток», монографическое исследование Б. Ходжибаевой и М. Мирзоюнус «Пушкин и Восток» (1999).

Ряд работ о литературных связях первой трети XIX века ограничен освещением определенного аспекта темы, например творчеством отдельного писателя. Немало трудов посвятила жизни и творчеству Д.П. Ознобишина Т.М. Гольц (1964, 1989, 2001), Н.Н. Холмухамедова рассматривала в диссертации творчество М.Ю. Лермонтова в контексте западно-восточного литературного синтеза (1992). Сюда же относятся кандидатские исследования Б.К. Бадалова «Н.В. Гоголь и таджикская литература» (2004), Б.Р. Рахманова «А.А.Бестужев-Марлинский и персидско-таджикская литература (проблема перевода и влияния)» (2006). Литературным связям второй половины XIX века посвящены диссертационные исследования: З.С. Самадовой «Традиции таджикско-персидской назидательной литературы в учебниках Л. Толстого (2000), Д.А. Бобокулова «Художественно-стилистические особенности перевода произведений И. Бунина на таджикский язык» (2016), Г.Х. Рустамовой «Русско-таджикские литературные связи в XX веке (в контексте творчества Л. Толстого)» (2016).

Проблемы перевода в разрезе историко-сопоставительного анализа рассматриваются в работах М.Ш. Шукурова «Реплика Холику Мирзо-заде (О первом переводе и первом переводчике «Сказки о рыбаке и рыбке»)» (1974), Х. Мирзо-заде «И назовет меня всяк сущий в ней язык...» (1974), А.С. Аминова «Проблема художественного стихотворного эквивалентного перевода» (2013), Х.Р. Холова «О переводах «Евгения Онегина» на таджикский язык» (1968), его докторская диссертация «История и проблемы перевода лирических стихотворений и прозы А.С.Пушкина на таджикский и персидский языки» (2014); монография З.А. Муллоджановой «Стиль оригинала и перевод» (2014).

Привлекает внимание литературоведов «восточная» повесть, о чем свидетельствуют труды В.Н. Кубачевой «Восточная повесть в русской литературе XVIII-начала XIX века» (1962); Абдель ати Ханафи Мухаммад Абдалла «Сборник «Тысяча и одна ночь» и русская литература и фольклор (переводы, изучение, отношение с литературой и фольклором)» (1977); Г.В. Субботиной «Жанр русской повести конца XVIII - начала XIX века» (2003); Е.А. Суркова «Русская повесть в историко-литературном процессе XVIII – первой трети XIX века: становление, художественная система, поэтика» (2007); Б.Р. Рахманова «Художественное своеобразие «восточной» повести в русской литературе первой трети XIX века (образы, тематика, первоисточники и проблемы перевода)» (2016).

Анализ научной литературы, связанной с темой диссертации, свидетельствует о том, что до сих пор в таджикском литературоведении

отсутствуют монографические исследования, посвященные восприятию и оценке, освоению и отражению персидско-таджикской классики русским литературным процессом эпохи романтизма в свете новых требований компаративистики.

Цель диссертационного исследования – представить общую картину русско-восточных литературных связей и место персидско-таджикской литературы в литературных связях, сложившихся в первой трети XIX в.

Задачи, решаемые в исследовании:

- рассмотреть осмысление и оценку персидско-таджикской литературы в трудах европейских и русских ориенталистов (И.В. Гете, А. Журдена, О.И. Сенковского, Д.П. Ознобишина, А.А. Бестужева-Марлинского)

- выявить образы и мотивы персидско-таджикской литературы, освоенные русской литературой, и формы их рецепции;

- исследовать вопросы перевода и переложений произведений персидско-таджикской литературы и особенности их восприятия (на сопоставлении оригиналов произведений персидско-таджикской литературы (Фирдоуси, Хафиза, Саади) и переводов-переложений (В.А. Жуковского, А.И. Подолинского, Д.П. Ознобишина, А.А. Бестужева-Марлинского);

- проследить эволюцию жанра «восточной» повести и ее роль в освоении тематики и образов персидско-таджикской литературы (на основе анализа «восточных» повестей Д.П. Ознобишина, О.И. Сенковского, Ф.В. Булгарина, А.А. Бестужева-Марлинского).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые в таджикском литературоведении в монографическом формате рассматриваются произведения русских романтиков (писателей второго круга), обойденные до настоящего времени вниманием литературоведов. Новизна работы также заключается в индивидуальном подходе к каждому отдельному писателю в контексте избранной темы, что позволяет выявить роль и место каждого из них в развитии литературных связей народов и углублении внимания русского литературного процесса к Востоку и персидско-таджикской литературе. При сопоставлении оригиналов и переложений определены особенности восприятия персидско-таджикской поэзии А.А. Бестужевым-Марлинским, В.А. Жуковским, Д.П. Ознобишиным, А.И. Подолинским. Найдены источники анализируемых лирических произведений, выявлены образы, темы и мотивы персидской литературы, отразившиеся в творчестве русских писателей и получившие оригинальную интерпретацию в их творчестве.

Определены персидско-таджикские первоисточники, рассмотрены переводы и особенности жанра «восточной» повести Д.П. Ознобишина и О.И. Сенковского, своеобразие произведений Ф.В. Булгарина и А.А. Бестужева-Марлинского.

Теоретическая значимость исследования. Результаты работы вносят вклад в изучение русско-восточных литературных связей и могут

способствовать решению ряда вопросов взаимосвязей и взаимовлияния русской и таджикской литератур, рецепции персидско-таджикской литературы русскими писателями XIX-XX веков, проблем перевода, эволюции жанра повести.

Практическое значение исследования. Результаты настоящей работы могут быть использованы при написании учебно-методических пособий, учебников и хрестоматий по литературоведческим дисциплинам; чтении спецсеминаров и спецкурсов; при написании курсовых, дипломных и магистерских работ на гуманитарных факультетах.

Объектом исследования в первую очередь подобраны литературно-критические труды И.В. Гете, А. Журдена, О.И. Сенковского, Д.П. Ознобишина, А.А. Бестужева-Марлинского, в которых дана характеристика классикам персидско-таджикской литературы; лирика В.А. Жуковского и Д.П. Ознобишина, содержащая мотивы и образы, заимствованные из персидско-таджикской литературы. Кроме того, объектом исследования стали восточные повести О.И. Сенковского, Д.П. Ознобишина, Ф.В. Булгарина, А.А. Бестужева-Марлинского, отразившие эволюцию данного жанра: от романтической восточной повести к реалистическим тенденциям в прозе.

Методологической основой изучения литературных связей России и Востока послужили труды русских ученых (А.Н. Веселовского, В.В. Бартольда, Е.Э. Бертельса, В.М. Жирмунского, Н.И. Конрада, Г.И. Ломидзе, И.Г. Неупкоевой, С.Л. Каганович, А.С. Бушмина, Ю.Д. Беляева, Б.Ф. Стахеева), зарубежных литературоведов (А. Дима, Д. Дюришина) и таджикских исследователей (И.С. Брагинского, М. Шукурова, А. Сайфуллаева, Х. Шодикулова, А. Давронова, С. Табарова, Р. Мусулмонкулова, М.С. Имомова, А. Абдусатторова, А. Нуралиева).

Выбор **методов исследования** обусловлен спецификой литературоведческого материала и характером поставленных задач. Процесс исследования основывается на сравнительно-историческом, типологическом и текстологическом методах. Сравнительный анализ позволил выявить в историко-литературном контексте сходство важных мировоззренческих позиций писателей разных эпох и определить характер связей персидско-таджикской и русской литератур, в том числе своеобразие освоения и интерпретации русской литературой восточных образов, мотивов и тем. Эти научные методы дали возможность решать поставленные теоретические проблемы, определить генетическое сходство персидско-таджикской классики и русской романтической литературы и проследить процесс вхождения философских, социальных, нравственных концепций, религиозно-эстетических идей персидско-таджикских мыслителей в русскую культуру. Изучение литературных связей России и Востока позволяет пролить свет на некоторые вопросы эволюции жанров. Традиционный описательный филологический анализ текстов благоприятен при изучении явлений

литературы, при анализе оригиналов и переводов, образно-тематических, жанровых и художественных особенностей исследуемых литературных произведений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Западно-восточные, в данном случае – русско-таджикские, литературные связи имеют давнюю традицию и обусловлены рядом причин – экономическими, политическими, культурными.

2. Освоение персидско-таджикской литературы в русском литературном процессе шло двумя путями: первый, опосредованный, связан с европейским ориентализмом. Второй – с непосредственным изучением русскими писателями языка, культуры, и в частности литературы. Темы и сюжеты, образы и мотивы персидско-таджикской литературы и фольклора стали в первой трети XIX века неотъемлемой частью национальной культуры России.

3. Работы исследователей-востоковедов Европы (И.В. Гете, А. Журден) и России (О.И. Сенковский, Д.П. Ознобишин, А.А. Бестужев-Марлинский) обогатили русский литературный процесс сведениями о персидско-таджикской литературе, именами классиков, темами и образами произведений, информацией о жанрах и художественных средствах. Ориенталисты Европы и России, знакомя читателей с восточной словесностью, были движимы мыслями об обогащении своих литератур достижением различных культур.

4. Русскими писателями-романтиками определены особенности восточных литератур, которые они стремились отразить художественно-равноценным образом. Для персидско-таджикской литературы в содержательном плане свойственна дидактичность и философичность, в художественном плане заметна метафоричность, иносказательность и орнаментальность. Поэзия Фирдоуси, Хайяма, Хафиза, Саади привлекла внимание многих русских художников.

5. Восточные мотивы вошли в русскую литературу особенно в эпоху романтизма (тема рока и судьбы, мотив увядания и скоротечности бытия, образ фонтана, падшего ангела, соловья и розы) и по-разному интерпретировались в творчестве русских поэтов. Очарованные восточным стилем, духом свободы, музыкальностью, пышностью и образностью персидского стиха, русские поэты В.А. Жуковский, А.И. Подолинский, А.А. Бестужев-Марлинский, Д.П. Ознобишин обратились к феномену художественной природы литературы Востока, провозглашая общечеловеческие ценности.

6. В 20-30 гг. XIX века русские писатели О.И. Сенковский, Д.П. Ознобишин, А.А. Бестужев-Марлинский, Ф.В. Булгарин, воссоздавая образ восточного человека, от абстрактного описания Востока переходят к конкретному изображению жизни и быта других народов, к изучению и отражению их национальных культур. И персидско-таджикская классика

будет в центре внимания русских ориенталистов, что способствовало обогащению русского литературного процесса первой трети XIX века.

Апробация работы. Положения и результаты исследования обсуждались на Международном симпозиуме «Руми - Гёте: Диалог культур» (Худжанд, 2007); Международной научно-практической конференции «Язык, культура, толерантность: Русский язык в межкультурном диалоге», посвященной Году образования и технической культуры в РТ и Году науки и инноваций в СНГ (Душанбе: ТГИЯ, 2011); Международной электронной научной конференции «Актуальные проблемы теории дискурса» (Казахстан, Актюбинский государственный Университет, 2012); Международной научно-практической конференции «Русский язык и литература в культурном пространстве СНГ. Итоги независимости» (Душанбе: РТСУ, 2014); 12-ой Международной научной конференции «Язык, культура и общество на перекрестке цивилизаций» (Душанбе, Университет Цукуба (Япония), РТСУ, 2015); Международной научно-практической конференции «Идеи духовности и нравственности в литературе» (Душанбе: РТСУ, 2015).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры мировой литературы Российско-Таджикского (Славянского) университета (протокол № 6, от 27.01.2017 г.) и расширенном заседании кафедры теории и новейшей персидско-таджикской литературы Таджикского национального университета (протокол № 24, от 13 мая 2017 г.).

Структура работы подчинена основным целям и задачам исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав с подразделами, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание работы

Во введении обосновываются выбор темы, актуальность, цели и задачи исследования, новизна, практическая значимость, методологические принципы работы над темой и основные положения, выносимые на защиту.

Глава I. «**Ориентализм в русском литературном процессе XVIII - начала XIX веков**» состоит из двух параграфов. В параграфе 1.1. «**Европейские ориенталисты о персидско-таджикской литературе в контексте западно-восточных литературных связей**» отмечается, что интерес к Востоку на Западе имеет давнюю традицию и, безусловно, способствовал становлению научного востоковедения. Результатом этого интереса явились культурные и литературные связи, стимулировавшие мировой литературный процесс.

К выдающимся образцам западно-восточного литературного взаимодействия можно отнести «Западно-Восточный диван» (1819) Иоганна Вольфганга Гете (1749-1832), который дал возможность европейскому

читателю познакомиться с персидско-таджикской поэзией⁷. В диссертации подчеркивается интерес И.В. Гете к истории, культуре, литературе Востока. В этой связи анализируются пояснения и толкования к «Западно-Восточному дивану», где большое внимание уделено персидско-таджикской литературе.

Говорить о классиках персидско-таджикской поэзии И.В. Гете начинает с Фирдоуси: «*Фирдоуси* сразу же взял в свои руки все великие, выдающиеся государственные события минувшего, баснословные и исторические, так что наследникам его осталось только сослаться на него...» [5, с. 190]. Немецкий ориенталист называет «Шах-наме» мифо-историческим фундаментом народности, который хранит память о жизни племени и подвигах героев от событий минувшей старины до современной истории. Достоинством произведения является язык – использовалась родная речь, а арабские заимствования игнорировались [5, с. 191].

Гете выделил характерную черту персидской поэзии – восхваление подвигов и деяний мудрых правителей. Интересны оценки, которые дает немецкий поэт выдающимся представителям персидско-таджикской классики. *Энвери* (Анвар) – панегирик, познает суть вещей, живет настоящим и ублажает похвалами вышестоящих. *Низами* (Низами Ильяс ибн Юсуф Ганджави) – поэт высоких чувств, прекрасных отношений, любовных страданий. *Поэмы* Низами исполнены ясности, изящности и красот, посвящены моральным ценностям. От *Низами* Гете переходит к *Джелалэддину Руми* и считает, что настоящий поэт, познавая мир, предпочитает воспевать его, и самой возвышенной из его целей является прославление и возвеличивание Творца. *Руми* обратил свой взор к туманным сферам: он использует сказку, притчу, для пояснения таинственного, его цель – наставлять и поучать. Гете отмечает, что *Саади* много странствовал, что позволяло поэту узнать людей и страны. Знания свои поэт излагает в произведениях, цель которых – наставление. Гете дает свою оценку «*Гулистану*» и «*Бустану*» Саади, насыщенным наставлениями и житейской мудростью. Лирика *Хафиза*, пишет Гете, доставляет наслаждение, в его строках бьется живительный источник жизни. Указываются две стороны поэтического наследия *Хафиза* – божественное и небесное с одной стороны, с другой – мирские наслаждения: друзья, любимая и вино. По мнению Гете, *Джами* завершил своим творчеством расцвет персидско-таджикской литературы. Ему свойственны ясность и рассудительность, он объял два мира – поэтический и действительный. Рассуждения И.В. Гете позволили И.С. Брагинскому в статье «Западно-восточный синтез в «Диване» Гете» сказать: «Как исследователь, Гете сумел сказать много нового и глубокого о

⁷ Для исследований И.В. Гете и А. Журдена характерны разночтения имен поэтов и названий произведений, хронологических дат, что обусловлено становлением европейского научного востоковедения.

характерных чертах восточной поэзии, прежде всего классической поэзии на фарси...» [5, с. 574].

В параграфе отмечается, что И.В. Гете, задумываясь об особенностях персидской литературы, в которой стремление к идеалу приводит поэтов от возвеличивания достоинств и дидактизма к идее совершенства и божественного, приходит к определенным выводам о персидско-таджикской поэтической речи: жизнь в движении, меняющаяся картина восточного мира требует сравнений, калейдоскопа цвета и чувств. Восточный культ слова связан с выражением страсти, склонностью к рифме и сравнению. Персидский язык, богатый на тропы и сравнения, по мнению И.В. Гете, дал возможность использовать словесность для предсказаний и образного общения в силу многозначности и значительности.

Не менее значимым для европейского ориентализма является исследование А. Журдена⁸ «*La Perse ou Tableau de gouvernement, de la religion et de la littérature de cet empire*» («Персия, или описание управления, верований и литературы этой империи», 1814). Статья «О языке Персидском и словесности» не является полным переводом научного труда и посвящена персидской словесности – особенностям языка и литературы, в ней дана характеристика творчества известных персидских поэтов.

Перед началом разговора о восточной словесности А. Журден приводит в пример остроумный вымысел жителей Востока о библейской интерпретации изгнания Адама и Евы из Эдема, выделяя лингвистические особенности трех восточных языков: арабского, персидского и турецкого. Змей, прельщая Еву, «употребил язык арабский, сильный и убедительный» [9, № 9, с. 29]. Ева общалась с Адамом на персидском языке – «исполненном прелестей, нежности, на языке самой любви» [9, № 9, с. 29]. Гавриил, изгоняя Адама и Еву, заговорил на турецком языке – «страшном и гремящем, подобному грому». Этот пример демонстрирует фонетические особенности восточных языков, среди которых автор выделяет мягкость и звучность персидского языка.

По мнению Журдена, восточные люди «...до излишества предаются увеличиванию идей, нелепости метафор сумазбродных, странности фигур несвязанных, наконец, всякому беспорядку воображения живого, блистательного и не знающего никаких правил» [9, № 9, с. 33]. Этот взгляд соответствовал общепринятому восприятию восточного человека: Запад связан с разумом и рациональным познанием, Восток с мечтами, бурными страстями и грезами.

Высоко ценится Журденом в восточной литературе образность и звучность слога. Исследователь говорит об особенностях персидского стиха: гармония персидского стихосложения выражена в насыщенности словосочетаний и богатстве языка, великолепии слога, красоте слова. Журден

⁸ Амабль Луи Мария Мишель Журден (*Amable Jourdain*, 1788-1818) французский востоковед.

заключает сведения о персидской поэзии мыслью, что образность, многозначность языка, мечтательность и воображение, звучность слога и образность могут обогатить европейскую литературу.

В диссертации указывается, что Журден ознакомил европейцев с биографией и творчеством Фирдоуси (*Фердусий* - А.Ж.). Он констатирует, что Фирдоуси удалось совместить в своем произведении все достоинства исторической поэмы. По мнению немецкого ученого и поэта, обращение к древнеперсидским источникам было преимуществом для Фирдоуси – его произведение включалось в число подлинных сочинений, и прославляет автора за красивый слог и за чистый персидский язык.

Остановился Журден и на творчестве *Анвери*⁹, отмечая, что славу ему принесло поэтическое воображение и произведения различных жанров: «*Анверий* упражнялся во многих родах стихотворства, и везде показывал блестящее и богатое воображение; особенно же оно торжествует в похвальных сочинениях» [9, № 13, с. 38].

Сопоставляя европейскую и восточную поэзию, Журден приходит к выводу, что если в элегической поэзии встречается жалоба, ода – изображение сильной страсти, для идиллии характерен умеренный слог, спокойствие и стремление к наслаждению, то «кассидег» включает в себя и оду, и идиллию, и элегию. Касыда богата прекрасными сравнениями и риторическими украшениями, для нее характерны философские мысли, приводящие писателей к суфийским рассуждениям.

Кратко охарактеризовав поэта *Шеик Ферид едина-Аттара*¹⁰ строгим нравоучителем и искусным стихотворцем, Журден ознакомил читателей с путем поэта к «созерцательному учению» (подразумевая учение суфиев).

Более подробно остановился исследователь на творчестве *Сади Мослех-Еддине*¹¹, который назван Журденом «главой Персидских нравоучителей, красноречивейший и благоразумнейший стихотворец на целом Востоке». О Саади сказано как о кротком человеке, любящем веселье, славу которому принесли морально-нравоучительные поэтические произведения. Журден упоминает полное собрание его сочинений «Куллиет», два произведения – «Гюлистан» («Страна роз»), «Бустан» («Вертоград»), заключающие «в себя не иное что, как только нравственные рассуждения» [9, № 13, с. 48]. Он дает следующую характеристику произведениям Саади: они посвящены нравам людей благочестивых, умеренности желаний, пользе одиночества, любви и молодости, хорошему воспитанию, великодушию и человеколюбию.

В анализируемой статье уделено внимание двум другим поэтам – *Джелал-Еддину-Руми*¹² и *Хозру-Деглеви*¹³, которые поразили современников исследователя «своими прелестными стихами и пламенным усердием к своей

⁹ Аухадиддин Али ибн Вахидиддин Мухаммад ибн Исхак Анвари

¹⁰ Фаридиддин Мухаммад Аттар

¹¹ Муслихиддин Саади

¹² Моулави Джалалиддин Руми

¹³ Амир Хусроу Дехлави

вере» [9, № 14, с. 109], указано, что тематикой произведений является учение суфиев – познание Бога и тайн мироздания.

С точки зрения Журдена, после *Сади* прославил Персию *Гафиз* – Шамсиддин Мухаммад Хафиз. Исследователь знакомит читателей с легендой о газели «Агар он турки Шерозӣ...», пресловутой встрече *Темирлана* и *Гафиза*, версиях остроумного ответа. Хафиз признан чудом красноречия: за ясностью и простотой языка скрываются глубокие мысли. Под символами любви и вина – чувственных удовольствий Хафиз прославляет «благоденствия божества всемогущего», воспевает «пламенную любовь к Богу». Другие, напротив, прямо воспринимая слова поэта, признают его человеком, «предавшимся изступлению страстей» [9, №14, с. 119], то есть видят в нем рында, воспевающего любовь и вино. Сочинения Хафиза, говорится в исследовании, состоят из дивана газелей. А. Журден знакомит европейского читателя с газелью и ее особенностями: «Газель есть род поэмы, похожей на оду и песню» [9, № 14, с. 119]. Если обратить внимание на тематику газели (любовная, мистическая, панегирическая, философская), то именно это многообразие позволило исследователю сравнить газель с одой и поэмой.

В диссертации отмечается, что в работе А.Журдена встречаются имена ученых (*Абу-Рихан-Альбируни*, *Алфарабий*), имена писателей и поэтов: *Анзарий*, *Дакики*, *Азеди*, *Али-Шир*¹⁴, *Госсейн-Ваез*¹⁵.

В параграфе **1.2. «Персидско-таджикская литература в оценке русских писателей первой трети XIX века»** проблема отношений русской и восточной литератур рассматривается на примере трудов русских исследователей И.О. Сенковского, Н.В. Гоголя, А.А. Бестужева-Марлинского.

Записи И.О. Сенковского, сделанные в период двухлетнего путешествия по Востоку (1820-1821), и «Воспоминания о путешествии в Нубию и Сирию» (1834-1835) дают богатый материал о тех восточных странах, которые посетил ученый. Сенковский был убежден, что ближайшее изучение Востока в подлиннике, то есть изучение его языков, «...его нравов, понятий, литератур» [21, 1, с. XIX] поможет познать античную культуру: «Востоком объясняется Греция, Восток Грецией; они родились, выросли и умерли вместе...» [21, 1, с. XIX].

Европейские ученые признавали неоспоримость влияния достижений античного мира на человечество, как отмечает Н.И. Конрад в статье «Старое востоковедение и новые задачи», в свою очередь, античный мир невозможно рассматривать вне его связей с восточным миром, поскольку теоретические основы гуманитарных наук «сложились в процессе изучения истории и культуры народов Европы с добавлением к этому, главным образом для

¹⁴ Мир Алишер Навои

¹⁵ Хусейн Ваиз Кашифи автор переработки «Калилы и Димны» («Анвар-и Сухайли»)

древнего периода, истории и культуры народов азиатского и африканского Присредиземноморья» [12, с. 15].

Говоря о восточном мире, Сенковский призывает помнить об отличии обычаев и взглядов этих народов. Поражаясь неизменяемости восточного менталитета, ориенталист вносит свою лепту в становление стереотипа о восточном человеке, который живет в мире грез, мечтает и предается неге.

Комментарии Сенковского к следам восточных цивилизаций имеют связь с общеевропейскими взглядами на историю человечества. Многие из высказанного Сенковским можно встретить в сочинениях русских писателей, к примеру, во взглядах на Восток и его роли в европейской цивилизации Н.В. Гоголя, которого не обошла проблема взаимоотношения Запада и Востока, вызванная общественно-политическими причинами.

В диссертации анализируются лекции Н.В. Гоголя о восточной цивилизации, являющиеся источником богатых сведений о взглядах писателя на восточную культуру. Из статей Н.В. Гоголя следует, что Восток – колыбель человечества: «Человечество началось Востоком» [6, с. 38]. Гоголь подчеркивает менталитет восточного человека – «...быстро воспламеняется и кипит страстями» [6, с. 44] и передает европейское представление: Восток (Азия) – чувства и страсти, Запад – разум и рассудок.

Азия связана у него с младенчеством человечества. Африка ассоциируется с пламенным юношеством, Европа – зрелый ум. Величие Востока, говорит Н.В. Гоголь, состоит в том, что здесь зародились мировые религии – мусульманство, христианство и буддизм, распространившиеся по всему миру. Остановился писатель на соприкосновении двух цивилизаций, говоря о последствиях крестовых походов. Для него парадоксально, что младенец Азия передает свое просвещение зрелой Европе, восточная цивилизация выступает в роли учителя. О значении восточной культуры для европейской цивилизации говорит читателю тот факт, что ислам стимулировал развитие европейской науки, он же и явился одной из причин возникновения эпохи Возрождения в Европе. Как показал анализ, Сенковский и Гоголь единодушны во взглядах на восточную культуру, особенно по вопросу влияния восточного мира на Европу, ее многоликости и необходимости внимательного изучения.

Свои мысли о взаимодействии и взаимовлиянии восточных и европейских культур высказал и А.А. Бестужев-Марлинский, идеолог и теоретик русского романтизма. В персидской литературе декабрист высоко оценил Фирдоуси, который в поэме «Шах-наме» передал потомкам в разных цветах и тонах историю Персии, были и мифы о героях и царях, соединившие правду с фантазией. А. Бестужеву импонирует эпикурейство Хафиза; как человек, познавший и блеск побед, и тяжесть поражения, он принял и мудрые высказывания Саади, но пальму первенства отдал все же Фирдоуси, сравнив его с Державиным: «Мил гуляка Гафиз, трогателен мудрец Саади, но Фирдоуси – о, это водопад Державина!» [1, с. 141], что звучит как апофеоз

любви к персидскому Востоку, к его изящной поэзии. Бестужев проявляет интерес к персидско-таджикской поэзии при переводах «Западно-восточного дивана» И.В. Гете.

В диссертации анализируется исследование Д.П. Ознобишина «Восточная литература. О духе поэзии Восточных народов...» (1826). Поэзия Востока, по Ознобишину – отражение природы: она пламенная, сильная и стремительная, величественная и тихая. Величественная природа повлияла на смелое воображение жителей Востока. Житель Востока, созерцая природу, углубляется в себя и извлекает из глубины души высокие истины. Ознобишин отмечает, что язык восточной поэзии – язык страсти и чувств: «...оттого он силен, изобилует фигурами и метафорами». Множество сравнений объясняется исследователем желанием выразить изливание сердца, звучание каждой струнки души.

Восточные языки отражают нравы и характер народов, считает Д.П. Ознобишин, что соответствует представлениям русских романтиков об индивидуальности и самобытности литературы. Ознобишин, как романтик, призывает обратить внимание на литературу восточных народов, чья свобода воображения, следование естественности, богатство красок, темы и образы обогатили мировой литературный процесс. Своеобразие языков восточных народов – это истина, рассуждает Д.П. Ознобишин, не подлежащая сомнению и применимая к персам: они часто употребляли сложные изречения, «... были наклоны к искусствам» [14, № 4, с. 395]. И Ознобишин предлагает читателю свою версию функционирования языков: «...Арабский наиболее свойственен для Поэм героических и красноречия, Персидский для описания удовольствия неги и наслаждения любви» [14, № 5, с. 64]. Одновременно с этими особенностями персидской поэзии Д.П. Ознобишин делится с читателями и другими наблюдениями. Персы от арабов вместе с языком переняли учение Корана. Но, в отличие от арабов, персы имели богатый запас «древних баснословных повествований и старинных вымыслов». Эти духовные сокровища сохранились в древних историях государств. Одновременно с занимательными преданиями, ждущими деятельных усилий любителей словесности, чтобы обнаружиться во всем блеске, привлекают внимание исследователей прекрасные вымыслы, родственные поэтическому языку и способствующие распространению вечно юной персидской поэзии.

Эта мифология и эти поэтические вымыслы, как считает Ознобишин, помогли Фирдоуси при создании «Шахнаме» – бессмертной эпической поэмы. Подобно комете, рассекающей мрак пространств, творение *Абу-Коссема Мансура Фирдоуси* послужило светильником просвещения, благодетельным сиянием согрело человека.

Д.П. Ознобишин дал краткую оценку представителям персидско-таджикской поэзии и родам стихотворства: «Каковым является *Фирдоуси* в исторической Эпосе, таков и не менее славен *Низами* в роде

романтическом, *Энвери* как Панегирик, *Джелаледин* как Писатель мистический, *Саади* как нравоучитель и, наконец, *Гафиц*, как поэт эротический, коего газели (оды), без всякого пристрастия назвать можно нецененными перлами Востока» [14, № 4, с. 401]. Эти емкие характеристики передают в полной мере представления Д.П. Ознобишина о творчестве классиков персидско-таджикской литературы: история Персии и гуманизм «Книги Царей» Фирдоуси; «Хамса» («Пятерица») Низами, в числе которых поэмы о любви и страданиях, возвышеннее которых не знает персидско-таджикская литература; привнесший в хвалебную лирику философские размышления и наставления Анвари; философские размышления и суфийские мотивы Руми; дидактизм и нравоучения «Гулистана» и «Бустана» Саади; эпикурейские мотивы Хафиза. Ориенталист не обошел вниманием и Джами, который творил намного позже и «может быть причислен к собранию сих великих поэтов, и вместе с ними прекрасно благоухает в семицветном венце Персидской Поэзии» [14, № 4, с. 401]. Автор статьи называет произведения персидско-таджикских классиков жемчужинами, которые украсят мировую сокровищницу знаний, и предлагает читателям насладиться миром чувств и размышлений, красотой выражений персидско-таджикской поэзии.

Глава 2. «**Мотивы персидско-таджикской поэзии в лирике русского романтизма**» посвящена переложениям В.А. Жуковского и Д.П. Ознобишина. Обращение европейских романтиков к восточной литературе – общеизвестный факт, и литературоведы поломали немало копий, пытаясь объяснить истоки этого интереса. Об обращении русского романтизма к восточным литературам, а конкретнее к персидско-таджикской, рассуждает С.Л. Каганович: «Очевидно, при всем огромном субъективном интересе романтиков к Востоку, при всей важности той роли, которую они отводили восточным культурам в своих теориях, не было бы столь сильного и явственного влияния Востока на поэтику европейского романтизма, если бы оно не было определено еще и причинами объективными, а именно – если бы оно не было обусловлено определенным типологическим родством европейской романтической поэтики с поэтикой некоторых восточных литератур» [10, с. 192]. И исследователь говорит о типологической близости европейского романтизма и персидско-таджикской литературы X-XV вв.

Одним из признаков проявления типологических черт является стиль произведения. Под стилем С.Л. Каганович подразумевает единство «внутренних связей образной системы, художественной речи, жанра, композиции, фабулы, ритма, интонации и т.д.» [10, с. 194]. Показательным стало соотношение «субъективности и объективности, выразительности и изобразительности, степень условности». Субъективное связывается в исследовании С.Л. Каганович с внутренним миром и психологизмом лирического героя, что было чертой романтизма. И именно внутренний мир героя или поэта воссоздается в произведениях персидско-таджикской

литературы. Субъективная свобода проявляется в выразительности, лиризме и оценочных средствах. Анализ произведений европейского романтизма и персидско-таджикских писателей показывает сходство стиля в доминанте выразительности над изобразительностью: главным становится отношение автора к описываемому. Эпитеты характеризуются в этом случае эмоциональной и оценочной функциями, экспрессивностью. Типологическая общность проявляется и в повторяемости, традиционности словоупотреблений, устойчивости поэтических средств. Традиционными становятся постоянные эпитеты, метафоры и сравнения, образы и понятия, связанные с определенными ассоциациями. Хотя русская романтическая лирика менее богата сравнениями и метафорами, они проявляются при обращении к восточной тематике или образам (у Пушкина, Жуковского, Языкова, Лермонтова). Другой особенностью поэтического мышления является ассоциативность, наличие непосредственных и опосредствованных предметных связей. И в европейском романтизме, и в поэтике восточного средневековья большую роль играют многозначность слова, аллегоричность и иносказательность, что и придает поэзии двуплановость образа, вызывает разночтения. Культ слова, в свою очередь, приводит к значимости роли поэта-пророка.

Преувеличение роли чувств, нагнетание эмоциональной напряженности приводят к гиперболизации восточного поэтического стиля и европейского романтизма. Нельзя обойти вниманием в этом вопросе и музыкальность стиха: для восточной поэзии характерна напевность, обусловленная строем языка и метрическим стихосложением. Это же звучание, музыкальность, интонация заметны и в романтической поэзии.

Таким образом, сопоставление стилевых доминант позволяет говорить о типологической общности русского романтического стиля и стиля персидско-таджикской поэзии, что обуславливает связи контактные при разработке восточной темы в романтизме. «Отсюда же и естественная восприимчивость русской поэзии к влияниям, идущим непосредственно с Востока...» [10, с. 223], что наблюдается в прямых заимствованиях из восточной классики тем, мотивов и образов, подражаниях и стилизациях, т.е. типологическое и осознанное проникновение в содержание и форму европейской романтической поэзии персидской классики.

Литературное общение происходит через перевод, способствующий вхождению достижений инонациональных литератур в сознание писателей. Восточная литература приводит к стимулирующему воздействию на духовные искания русского романтизма, в котором нашел отражение весь спектр идейно-эстетических воззрений русских поэтов начала XIX века: «тема борьбы Света с Тьмой и Добра со Злом», как содержание этической системы; «тема похвалы разуму», как концепция власти разума; «идея любви, как движущей силы общественного развития» и как концепция власти сердца; «тема вдохновенного изреченного слова и роли поэта-пророка» [3, с.

492]. Стремление разрешить философские вопросы бытия, борьбы между добрым и злым началом, стремление к самоочищению, изображению внутреннего мира человека подтолкнуло В.А. Жуковского, Д.П. Ознобишина, А.И. Подолинского обратиться к неувядаемой классике Персии.

В параграфе **2.1. «Интерпретация образов персидско-таджикской литературы в творчестве В.А. Жуковского (переложение сюжета о «Рустеме и Сухробе» и трансформация образа падшего ангела)»** подчеркивается, что одна из причин обращения европейских писателей к восточным литературам состояла в созвучии идеи персидско-таджикских поэтов-гуманистов, особенно идеи борьбы Добра и Зла, духу творений поэтов-романтиков.

В параграфе анализируется поэма «Рустем и Зораб» (1846-1847), представляющая собой переложение перевода Ф. Рюккерта, («Rostem und Suhrab, eine Heldengeschichte in zwölf Büchern», Erlangen, 1838)¹⁶. В.А. Жуковский, создавая не прозаическое, а поэтическое произведение, изменил стихотворный размер немецкого переложения Ф. Рюккерта, ввел в повествование собственные эпизоды. Выбрав наиболее драматические эпизоды поэмы, Жуковский пытался выявить их этический пафос. Поэт ввел в повествование о Рустеме и Сухробе мотив пути или странствия, который, по мере движения сюжета, приобретает особый смысл: путь к себе оказывается дольше и труднее жизненного пути. И Рустем, и Зораб преодолевают этот путь мучительно долго. Через страдания выявляется человеческая сущность героев, путь к возрождению, очищению лежит через страдание. Не случайно последняя глава Жуковского названа «Рустем», в ней герой, впервые сокрушенный, побежден страданием.

Сопоставительный анализ «Шахнаме» Фирдоуси, перевода Ф. Рюккерта и поэмы В.А. Жуковского, показал, что особо различается архитектоника рассматриваемых произведений. Так, у Фирдоуси 19 глав, каждая из которых имеет особое название, передающее основное содержание поэмы; у Рюккерта - 12 книг, состоящих из 118 глав (писатель с первых строк заявляет: история из книги о персидских королях и о том, «как собственный сын, убитый отцом, умирает»); у Жуковского 10 книг и 98 глав, при этом каждая книга озаглавлена, так же как и у Фирдоуси. И для Ф. Рюккерта, и для В.А. Жуковского важным было показать испытания, выпавшие на долю Рустама, которые должны были выявить его духовную силу и человечность.

В ходе сопоставительного анализа подчеркивается, что основные отличия произведений А. Фирдоуси, Ф. Рюккерта и В.А. Жуковского наблюдаются, в основном, в сюжетном, а не в композиционном построении, а также в жанровом обозначении: у Фирдоуси – героическая эпопея, у Рюккерта – героическая история в стихотворном, вольном переводе, у

¹⁶ «Ростем и Зураб, героическое повествование в двенадцати книгах».

Жуковского – романтическая поэма. Выявленные отличия объясняются диссертантом теми задачами, которые ставили и решали поэты, обращаясь к драматическому сюжету о сражении отца с сыном: если для Рюккерта главным было донести до европейского читателя основное содержание «Шахнаме», то Жуковский предпринял попытку приблизить древний героический эпос к эстетике романтизма, «одушевить» этот эпос, наполнить его нравственной проблематикой.

Поэзия эпохи романтизма изобилует образами, заимствованными из восточной литературы. Не является исключением и образ падшего ангела, как нельзя гармонично подошедшего по всем канонам к идеалу романтического героя. Однако в русской литературе данный образ был заимствован не напрямую из восточной поэзии, а опосредованно, через немецкую и английскую поэзию. То же самое произошло с образом пери в поэмах В. Жуковского и А. Подолинского, восходящим к произведению Т. Мура. «Восточная повесть Лалла Рук» («Lalla Rookh. An oriental Romance». 1817) Т. Мура (1779-1825) представляет собой стихотворную повесть. Источником данной поэмы Т. Мура был знаменитый труд французского ориенталиста XVII в. Бартеlemi д'Эрбело «Восточная библиотека» (1697).

Особенный интерес к этому произведению связан с одной из глав поэмы «Рай и Пери», благодаря которой в русскую романтическую поэзию вошли восточные образы Пери и демона – Дива. В этой связи рассматривается стихотворная повесть «Пери и ангел» (1821) В.А. Жуковского. Пери, как указал в примечании сам В.А. Жуковский, – «воображаемые существа, ниже ангелов, но превосходнее людей, не живут на небе, но в цветах радуги... и подвержены общей участи смертных» [8, II, с. 482]. В поэме Жуковского говорится о том, что Пери, отвергнутая от рая, но не оставляющая надежды вернуться в Эдем, предлагает найденные на земле «достойные дары» в качестве искупления вины: кровь, пролитую за свободу родины; последний поцелуй и вздох влюбленных. Однако настоящим даром, достойным божественных небес, являются слезы покаяния грешника. В диссертации отмечается, что при переложении поэмы Т. Мура Жуковский, сохранив основные моменты сюжета, изменяет ее эмоциональное звучание.

При этом отмечается, что до обращения Жуковского к данному образу в мировой литературе образ падшего ангела имел две интерпретации: образ богоборца и протестанта или образ падшего ангела, пытающегося примириться с богом и людьми. Образ кающегося ангела воссоздает А.И. Подолинский, поэмы которого – «Див и Пери» (1827) и «Смерть Пери» (1837) – уже своим названием ассоциируются с произведениями Т. Мура и В.А. Жуковского и написаны под влиянием данных поэтов.

С первых строк поэмы Подолинский знакомит читателя с Пери и местом ее обитания¹⁷. Поясняя далее историю героини, А.И. Подолинский

¹⁷ «Пери, по понятиям восточных, – существа превосходнее человека, но отличные от Меляк, ангелов, и от Дивов, или Джиннов, злых духов, с которыми они ведут бесперывные войны. Они в повестях

рассказывает о запрете, возложенном Аллахом на ангелов. Им нельзя вступать в связь с земными созданиями и вмешиваться в их жизнь. Наказанием за ослушание является изгнание из рая. Героиня поэмы парит на просторе, но ей на небесах думается об одном – Эдеме. Земная же жизнь не прельщает героиню, и «сжата грудь ее тоской», так как земная жизнь полна страданий и лишений. И вдруг перед глазами Пери предстает печальная картина: разбитый челн на берегу Нила и юноша, склонившийся над пострадавшей любимой – что не оставило героиню равнодушной – сострадание толкает героиню на безумный поступок – принять образ девы, прекратить страдания юноши и вернуть его в лоно веры. Она осознает, что нарушает божескую заповедь. Земная жизнь в теле смертной девы смутила Пери, «предчувствуя страданья впереди». Земной мир полон лишений и боли, волнений и дум, незнакомых ей. Пери, переживая и сочувствуя смертным, заботится о юноше. Чувства настолько поглотили ее, что она позабыла все свои страхи и сомнения. Однако Пери осознает, что юноша любит не ее, а деву. Все мечты героини исчезли, бессмысленно ее существование, она готова призвать смерть. Так, перетерпев муки и земные страдания, Пери заслужила прощение. Финал поэмы говорит о созвучии видения образа ангела у А.И. Подолинского и В.А. Жуковского, потому что создание образа падшего ангела, получившего прощение через страдание, соответствовало эстетике романтизма.

Далее в диссертации указывается, что в литературоведении известно несколько интерпретаций образа дивы. Один из ярких примеров своеобразной интерпретации образа падшего ангела представляет стихотворение Д.П. Ознобишина «Нардзан» (1839) с примечанием в скобках «Кавказская легенда». В стихотворении Ознобишина «Див и Человек» (1832) присутствует традиционный конфликт человека и Демона. Здесь Демон представлен в образе восточного образа – Дивы.

Мотивы стихотворной повести Жуковского «Пери и ангел» и поэмы А.И. Подолинского «Смерть Пери» Д.П. Ознобишин передает в стихотворении «Кавказский полдень и буря» (1839), подтверждая, что восточная литература познавалась Ознобишиным не только через оригинальные произведения или исследования и переводы европейских поэтов, но и через творения русских художников слова:

...И долу слетали нередко посланники светлого Рая

С утешною вестию мира, с отрадным обетом прощенья!..

Незаперты были для падших небес беспредельные своды [15, I].

Таким образом, исследование, осуществленное в данном параграфе, показало, что тема возрождения и воскресения души через страдание,

восточных – почти то же, что в западных, волшебницы или феи. Обитательницы фантастической страны, именуемой Перистаном, или «Землей Пери», смежной с Дивистаном, «Землею Дивов» или злых духов, они никогда не делают зла, и далеко превосходят всех других духов своею красотою...» (ссылка на Б. д'Эрбело (D'Herbelot)) [16].

является основным содержанием многих переложений из восточной литературы.

В параграфе 2.2. «Художественное своеобразие переводов лирики Хафиза и Саади и переложение восточного селамы Д.П. Ознобишина» подчеркивается значение деятельности поэта Д.П. Ознобишина, перу которого принадлежат ориентальные сочинения (переложения и подражания, статьи). Свое видение проблемы русско-восточных литературных связей писатель раскрывает современникам в статьях, будучи сторонником углубленного научного подхода к восточной культуре и литературе. Точке зрения, видевшей в Востоке только экзотику и развлечение, он противопоставляет свое понимание и восприятие иноязычной культуры.

Анализируя переводы Д.П. Ознобишина газелей Хафиза, мы сопоставили их с переводами А.А. Бестужева-Марлинского. При этом подчеркивается, что перекладывая газели Хафиза, А.А. Бестужев-Марлинский передает радость любви и боль разлуки, сохраняя темы, мотивы и образы классика персидско-таджикской лирической поэзии. Стихотворения А. Бестужева полны романтических образов, метафор, аллегорий, сравнений, заимствованных или творчески освоенных из восточной поэзии. Помимо Бестужева-Марлинского, Хафиз во всей полноте своего гениального дара предстает в журналах и альманахах благодаря переводам Д. Ознобишина, П. Петрова, М.Д. Деларю, В.Н. Григорьева.

В персидско-таджикской литературе, а конкретнее в газелях Хафиза, внимание Д.П. Ознобишина, в первую очередь, привлекли эпикурейские мотивы, воспевание любви и веселья. Его перу принадлежат переводы двух газелей, названных «Ода Гафица» («Без красавицы молодой», «Блестящую чашу наполни вином») и «назира» (ответ) на газель «Агар он турки шерози...». Культ веселья и вина посвящена «Ода Гафица» («Блестящую чашу наполни вином», 1829 г.). Это переложение газели Хафиза предваряет эпиграф «Требуя вина и рассыпай розы», написанный на фарси.

В диссертации подчеркивается, что перевод «Оды Гафица» не передает жанровых особенностей газели, поскольку цель Ознобишина – ознакомить русского читателя с мотивами и сюжетами произведений Хафиза. Газель снабжена сноской (Из книги «Даль» его Дивана) и эпиграфом – строкой в персидском звучании: «Гюль би рухи яр хош небашед» [15, II], что означает «Цветок не радуется без лица возлюбленной»:

Без красавицы молодой,
Без кипящего стакана,
Прелесть розы огневой,
Блеск серебристого фонтана -
Не отрадны для души!
Без напева соловья
Скучны роз душистых ветки;
Шепот сладостный ручья

И ясминные беседки -
Не отрадны для души! [15, II]

А вот как звучит газель Хафиза в оригинале:

Гул бе рухи ёр хуш набошад,
Бе бода баҳор хуш набошад.
Тарфи чаману тавофи бустон
Бе лолаузор хуш набошад.
Рақсидани сарву ҳолати гул
Бе савти ҳазор хуш набошад [22, с. 213]

Подстрочный перевод¹⁸ этого фрагмента показывает, что Ознобишин прибегает к традиционным художественным образам персидско-таджикской литературы: красавица молодая, милый образ идеала (рӯхи ёр), роза (гул), вино (бода) и красота цветника (тарфи чаман), красота цветов (холати гул) и трели соловья (савти ҳазор):

Без лика возлюбленной роза не радуется
Без бокала вина весна не радуется.
Красоты цветников и прозрачный воздух садов
Без тюльпаноликой красы не радуют.
Танец кипариса и красота цветов
Без трели соловья не радуют.

В газели встречается образ, созданный кистью разума, или сладкоустая и розоволикая, тюльпаноликая возлюбленная, стройная, как кипарис.

Д.П. Ознобишин и другие русские поэты не соблюдают в своих переводах традиционную структуру персидской газели. В связи с этим подчеркивается, что газель скорее привлекла русского поэта-ориенталиста своей изысканной рифмовкой, многочисленными повторами, которые создавали определенный эффект медитации. Газель требовала откровенной красоты, ее поэтичность была нарочито демонстративной. В русской поэзии жанр газели создавался с ориентацией на традиционную эстетику. Подражание восточному придавало переживанию поэта обобщенный характер, менялся сам образ лирического героя, условный восточный колорит устанавливал дистанцию между певцом и автором. Жанр так и не стал принадлежностью русской поэзии, сохранив черты подражательности.

Больше всего Д.П. Ознобишина привлекает в восточной литературе воспевание радости и любви. Переводя газели, Ознобишин сумел сохранить звучание и мысль оригинала и в то же время постарался представить свою интерпретацию традиционных восточных образов. Эта черта переводчика и стала характерной особенностью всего русского ориентализма, у истоков которого, наряду со многими писателями и поэтами, стоит Д.П. Ознобишин.

Следует отметить, что ряд переводов Ознобишина снабжены сносками «Подражание Саади» и «Из Саади». В стихотворении «Рождение перла»

¹⁸ Переводы выполнены таджикским литературоведом А.С. Аминовым

(1828) изложена легенда о любви духа, который ради девы молодой готов забыть земное и дарит ей пышные чертоги. Но он отвергнут ею, и его слеза превратилась в невиданную поныне жемчужину: «... дух грустил, ...Слезу блестящую сронил, ...та слеза вдруг перлом стала, Каких не зрели средь зыбей» [15, I].

Поиски истоков стихотворения «Рождение перла» привели к поэме Саади «Бустон» и газели о покорной и смиренной дождевой капле (из четвертой книги «О смирении» – «Дар тавозуъ»). Однако подстрочный перевод газели Саади имеет совершенно другое значение. Если у Ознобишина была слеза Дива, страдающего от безутешной любви, то в оригинале – рассказ о дождевой капле:

Яке қатраборон зи абре чакид,
Хичил шуд, чу пахнои дарё бидид,
Ки чое, ки дарёст, ман кистам?
Гар у ҳаст, ҳаққо, ки ман нестам [19, с. 147]

В подстрочном переводе капля задаётся вопросом о своем назначении:

Капля дождевая упала на землю, покинув лоно тучи,
Пришла в смущение, когда увидела простор моря,
Кто же я, если есть море?
Когда оно существует, воистину не существую я.

Капля осознает свою ничтожную значимость по сравнению с морем, человек, с точки зрения Саади, должен осознавать свое положение в этом мире: он песчинка в мироздании. Покорность судьбе и смирение капли впоследствии дают свои плоды. В раковине капля приобретает форму жемчуга невиданной красоты:

Чу худро ба чашми ҳақорат бидид,
Садаф дар канораш ба чон парварид.
Сипехраш ба чое расонид кор,
Ки шуд номвар луълуи шоҳвор [19, с. 147]

Подстрочный перевод:

Когда взглянула на себя глазами презренья,
Раковина жемчужная взрастила ее всей своей душой.
Судьба, ниспосланная сверху, сделала так,
Что прославилась она блеском жемчужины царской.

Судьба была благосклонна к капле за ее скромность, смирение и покорность. Как показало сопоставление ознобишинских строк и оригинала Саади, оба произведения объединяет мысль о смирении и покорности судьбе, умении довольствоваться малым.

Другое стихотворение Ознобишина – «Три капельки» (1830) – продолжает трактовку газели о смиренной капле и так же наполнены философским содержанием. В этом случае мы имеем лирическое повествование о трех дождевых каплях. Одна превратилась в благоуханный эфир, другая в пучине моря стала перлом в раковине, третьей суждено было стать алмазом.

Говоря о философском контексте переводов Ознобишина, диссертант отмечает, что восточные мотивы вплетались в русскую литературу на всем протяжении ее развития. Так, например, тема рока и судьбы, мотив увядания и скоротечности бытия имеют восточное происхождение и по-разному интерпретированы в творчестве русских поэтов. Мотив увядания жизни звучит и в стихотворении Ознобишина «Суетность красоты» (1827) с примечанием «Подражание Саади».

Констатируя особый интерес Ознобишина к назидательности произведений Саади, диссертант обращается и к другому вопросу. Восточный мир, осознает Ознобишин, – это иная культура, менталитет и вероисповедание. Тем не менее, использование исламских мотивов, имеющих общечеловеческое звучание, было характерно для эстетики европейского романтизма, утверждающей универсализм литературы, неделимость и исконную духовную общность народов Азии и Европы. Поэтому обращение ориенталиста Ознобишина к исламским мотивам творчества Саади является закономерным. Из Саади взяты два стихотворения Д.П. Ознобишина – «Утренняя песнь соловья» (1826) и «Вольная птичка» (1829). Оба произведения объединены одной идеей: человек должен помнить о боге, благодарить его и быть ему признательным. Источником данных стихотворений является глава вторая «Гюлистана» Саади – «О нравах дервишей».

Стихотворение «Вольная птичка» имеет сноску «Из Саадиева Гюлистана. Книга 2-я»:

Я на заре последней ночи
Песнь вольной птички услышал;
Как звук был сладостен! – мне в очи
Слеза прокралась – я взрыдал [15, П].

На вопрос друга, что послужило причиной волнения, рассказчик ответил: птица воспевает Бога, как мне быть равнодушным?

Источник перевода – двадцать шестой рассказ главы «О нравах дервишей» («Дар ахлоки дарвешон») – состоит из двух частей – прозаической и стихотворной. Прозаическая часть полностью посвящена раскрытию причины волнения рассказчика. Ознобишин пропускает при переводе эту часть, в которой говорится о том, что рассказчик услышал пение соловья и куропатки в горах, как кричат лягушки в воде и животные в лесах. И подумал, что нечеловечно, если все славят бога, а он крепко спит:

Дӯш мурғе ба субҳ менолид,
Ақлу сабрам бибурду тоқату хуш [20, с. 74]

Подстрочный перевод:

Вчера птица жалобно стонала на рассвете
Лишив меня терпения и покоя.

Далее из Саади:

Яке аз дӯстони мухлисро
Магар овози ман расид ба гӯш,

Гуфт: Бовар надоштам, ки туро
Бонги мурге чунин кунад мадхуш [20, с. 74].

Подстрочный перевод:

Кто-то из преданных друзей,
Услышав мой голос
Сказал: не поверю,
Что пение птицы может поразить тебя.

Саади:

Гуфтам: Ин шарти одамият нест-
Мурғ тасбеҳгӯю ман хомӯш [20, с. 74]

Подстрочный перевод:

Не в правилах людских –
Птица взывает к богу, а я молчу.

Таким образом, сопоставление позволило прийти к выводу, что при переводе Ознобишин достаточно бережно сохраняет содержание оригинала.

В стихотворении «Утренняя песнь соловья» (Из Саадиева «Гюлистана») Д.П. Ознобишин перелагает строки из двадцать седьмого рассказа той же главы «О нравах дервишей»:

Все в мире сущее творцу поет молебны,
Но только чуткий слух уловит лад волшебный.
Не только соловей меж роз воспел его,
Но даже шип – язык; он славит божество ... [17, с. 121]

Как показало сопоставление, все созданный, то есть весь мир, обрел язык и восхваляет бога, но смысловое содержание едино – песнь соловья, в которой звучит напоминание человеку: весь мир славит бога.

Стихотворение «Утренняя молитва» (1840) свидетельствует о глубоком знании Д.П. Ознобишиним менталитета восточного человека и мусульманского мира, а также уважительном отношении к духовным ценностям восточной, культуры. По мнению диссертанта, источником этого произведения послужили мотивы творчества Саади, знание Священной книги Корана и всей ориентальной литературы того времени. В стихотворении разворачивается следующая картина: когда утренние лучи солнца коснутся земли, обаянется горизонт, для мусульманина наступит время утренней молитвы. И человек смиренно обращается к всемогущему богу – творцу, создателю мира. Он молит о прощении грехов и просит дать силы для исполнения своих обязанностей:

Избавь от неведенья, забвенья, и в тиши
Согрей любовью преступный хлад души.
Даруй мне твердость сил свершать Твои уставы... [15, П].

Смиренно молится он о сохранении жизни («Из Книги Бытия не исключи раба»), спасении от козней и напастей.

Мотивы покаяния и мольбы о прощении грехов, надежды на милость бога получают развитие и в стихотворении «Только сорванный лишь с ветки», которое так же восходит к главе второй «Гюлистана» Саади – «О

нравах дервишей». Философское осмысление произведения – осознание человеком своего места во Вселенной и напоминание, что он творение бога и частичка мира, что он должен славить бога, – в наибольшей степени раскрыто в оригинале у Саади (то, что пропустил Ознобишин):

...Ман бандаи хазрати каримам...
Гар бехунарам в-агар хунарманд,
Лутф аст умедам аз Худованд [20, с. 92],

что в переводе означает:

..Ничтожный раб у трона бога я...
В душе немного доблести иль много –
Но уповаю я на милость бога [17, с. 143].

Таким образом, можно констатировать, что Саади интересовал Д.П. Ознобишина этической направленностью своих произведений. Через передачу философского содержания творений Саади поэт стремился познакомить русского читателя с Востоком, с менталитетом и духовными ценностями человека исламского мира, дать возможность увидеть их точки соприкосновения, а следовательно утвердить общечеловеческие ценности бытия.

Следующий восточный мотив, появившийся вначале в Европе, а позже и в России, связан с Селамом. Селам на Востоке – «аллегорический язык цветов», когда через цветы или предметы передавалось определённое послание. В диссертации обращается внимание на тот факт, что вместе с цветами определёнными знаками-символами наделены и другие предметы: жемчуг, виноград, сурьма, волосы, спичка и т.д.

Язык цветов понравился европейским читателям и получил широкое распространение в Европе и России. Примером может служить книга «Цветочный язык, или значение цветков после восточного вида. 1823. Берлин» (Die Blumensprache, oder Bedeutung der Blumen nach orientalischer Art. Ein Toilettengeschenk. 1823. Berlin), на которую ссылается Ознобишин в предисловии к книжке «Язык цветов».

В 1830 году Д.П. Ознобишин публикует «Селам, или язык цветов» отдельным изданием. Книгу условно можно разделить на две части: в первой представлена поэма о происхождении «Языка цветов», во второй части даётся «своеобразный поэтический словарь - перечень названий цветов на русском и латинском языках и игра – «цветочный флирт», разговор языком цветов [15, II].

Д.П. Ознобишин даёт свою трактовку происхождения Селама. Он сразу же поясняет, что этот ориентальный вид любовной переписки характерен для восточных народов, которые содержат своих жен в гаремах. В поэме-легенде говорится о Заре, «одной из дочерей Ислама», которая, «любовью пылкой сгорая», изобрела селам – «Немой, но внятный разговор». Зара страдает от невозможности общения с любимым Альманзором, так как переписка в её случае невозможна: «Калама язык опасен будет нам! ...Да, да, всё выскажет Селам». И она решает через букет подобранных цветов передать любимому

Альманзору сообщение, а чувства помогут автору и адресату понять друг друга. Букет подобран из разных цветов. Розан-лавр (*Nerium oleander*; *rosage* – примечание Д. Ознобишина) должен означать очарованность и признание в любви:

Меня ты чаровал не раз;
Скажи ему, что каждый час
Его любить не преставала [15, II].

Буя-таньонг душистый (*Mimusops elengi*. Linn – прим. Д.О.) снабжен описанием: «Сей цветок имеет вид звезды, окруженной семью или осмью лучами: он желтого цвета и приятного запаха» - он призывает встретиться. Жин-сенг, завершающий букет-послание, поясняется Ознобишиным: «Рапах, *ginseng*. Linn. Сему растению приписывают в Китае силу продолжать жизнь; надобно пить только его настой несколько времени (*Toilette de Flore*)».

Пусть жин-сенг кончит мой Селам
Ты жизнь, ты свет моим очам!

Отправленное любовное послание – селам не вызывает сомнений во взаимности чувств, подтверждением чему служит ответ Альманзора, принесённый служанкой:

.....В ее руках
Лист видит Зара дятловинный.
«О радость! Пламень наш взаимный!
Он понял мысль мою...» [15, II].

Таким образом, говорит автор поэмы-легенды, посредством цветов и общались на Востоке влюбленные, не доверяя свои чувства бумаге. Цветы обладают не только внешней красотой и приятным запахом, но и могут говорить без слов, было бы желание понять смысл послания, силу страсти и искренность чувств, способные толкнуть на безумства во имя любви.

В диссертации отмечается, что условный язык Востока русскому читателю был знаком и по ряду других источников, к примеру, по переводимым на европейские языки восточным сказкам. В сборнике сказок «Тысяча и одна ночь» читатель знакомится с этой восточной формой общения. Другим источником языка Селама для европейского читателя явилось гениальное творение немецкого ориенталиста И.В. Гете «Западно-восточный диван». В «Статьях и Примечаниях к лучшему разумению «Западно-восточного дивана»» показана одна из особенностей восточной поэзии: емкость выражений, значительность и многозначность слова, богатейший иносказательный язык. В своих примечаниях к Дивану Гете выделил раздел «Обмен цветами и знаками», в котором отметил, что используются не только цветы, но и «вообще все зримые вещи». Этот способ общения основывается на чувственном восприятии мира и обостренной интуиции.

Так И.В. Гете дал европейскому читателю представления об условных способах общения жителей Персии, а Д.П. Ознобишин познакомил русского

читателя с Селамом, языком цветов, принятым на Востоке, который станет популярным мотивом в творчестве русских писателей.

Глава 3. **«Мотивы персидско-таджикской литературы в «восточной» повести первой трети XIX века (образы, тематика, первоисточники и проблемы перевода)»** посвящена анализу повестей Сенковского и Ознобишина.

В главе дается определение жанра «восточная» повесть и отмечается, что «восточная» повесть пользовалась популярностью у русского читателя с XVIII века, когда отсутствовало разграничение между оригинальным произведением и переводом, переложением. Позже появляется интерес к реальному Востоку, сведениям научного характера, что свидетельствует о все более углубляющемся познавательном интересе русского общества к восточным странам.

Русские писатели-ориенталисты обращают внимание на классику персидско-таджикской литературы X-XVI вв. Эта литература обогащала творческую мастерскую европейских писателей темами и образами, сюжетами и мотивами, жанрами и художественными возможностями слова. Богатый восточный мир предстал перед европейским читателем в «восточной» повести – баснях и апологах, притчах и легендах.

Однако в литературоведении исследований по проблемам типологии русской оригинальной повести пока недостаточно, и они не раскрывают полностью все вопросы её жанрового своеобразия. Ждет своего решения и вопрос о влиянии персидско-таджикской литературы на развитие «восточной» повести.

В параграфе **3.1. «Мотивы восточных сказок в «восточных» повестях О.И. Сенковского»** сопоставляются восточные повести и их первоисточники (сборники сказок), определяются художественные особенности переводов-переложений. О.И. Сенковский известен в русской литературе как автор «восточных» повестей «Бедуин» (1823), «Витязь буланого коня» (1824), «Деревянная красавица» (1825), «Истинное великодушие» (1825), «Урок неблагодарным» (1825), «Бедуинка» (1828), «Вор» (1828). Его повести, переведенные с восточных языков, привлекли в свое время внимание читателей.

В диссертации отмечается, что «восточная» повесть Сенковского «Что такое люди!» связана с «Главой о страннике, золотильщике, барсе, обезьяне и змее» из «Калилы и Димны», содержание которой составляет дидактическое наставление философа царю, желающему знать, кому оказывать благодеяние, доверять и от кого надеяться на помощь. В подтверждение своих мыслей философ знакомит царя с притчей о попавших в ловушку для зверей золотильщике, барсе, змее и обезьяне. Путник, желая избавить человека от опасности, сначала вызволяет из западни зверей, которые благодарят его за помощь, обещают отплатить за добро, но отговаривают помогать человеку. Наставления зверей о неблагодарности человеческого рода не возымели

действия, и путник вызволил из ямы и золотильщика. Через некоторое время путник оказался в местах обитания спасенных. Звери, каждый по-своему, отблагодарили его. Так, барс принес драгоценности убитой им царевны. Путник идет к золотильщику, чтобы продать ценности. Золотильщик принял путника, но, узнав драгоценности, задержал его и оповестил об этом царя. Схваченному путнику, не знавшему истины, грозило наказание и распятие, и он раскаялся в своем поступке. На помощь путнику пришли звери, и царь узнал правду. Путник спас свою жизнь, а золотильщик за свою неблагодарность поплатился ею. Этот поучительный пример о праведных деяниях и благодарности за добро завершается назидательным выводом.

Проведенный сопоставительный анализ подтвердил, что О.И. Сенковский в некоторой степени изменил материал источника, но сохранил фабулу. Героем «восточной» повести О.И. Сенковского стал факир, который спас обезьяну, змею-удава, тигра и золотых дел мастера, но корысть спасенного человека сгубили его. Сенковский ввел в свое произведение обоснованные доводы животных о сущности человеческого рода, о его отрицательных сторонах. Писатель, воспользовавшись восточной формой иносказания, сатирически высмеял пороки современного общества. Предательство и черная неблагодарность людей, возведенная в доблесть, вызывали у О.И. Сенковского негодование. Писатель проповедует человеколюбие, сатирически изображая общество, в котором вера, честность, благодарность и добродетель попораны человечеством во имя богатств и чинов, поклонения и тщеславия.

О.И. Сенковский, вводя в повествование спор факира с животными о человеческой сущности и поменяв финал произведения, изменил и идейную направленность первоисточника, а также его жанр: из назидательной социально-бытовой сказки он сделал сатирическую басню в прозе. Дидактическое наставление философа царю в «Главе о страннике, золотильщике, барсе, обезьяне и змее» из «Калилы и Димны» предстало перед читателем в другом облики. О.И. Сенковский акцентирует внимание читателя на ничтожных человеческих страстях и пошлости, поскольку ему свойственен сатирический взгляд на окружающую действительность.

При этом привлекает внимание один эпизод из повести. Это стихи, которые читала дочь князя. Несомненно, суфийские мотивы персидско-таджикской литературы о мотыльке, сгорающем в пламени свечи, и соловье, воспевающим розу, были известны русскому читателю и обогатили «восточную» повесть О.И. Сенковского уточнением. Но это уточнение имеет и научную подробность: с одной стороны, индийский фольклор в VI веке обогатил персидскую словесность сборником сказок и басен, с другой - персидско-таджикская литература придет в Индию в XI-XV веках мотивами и образами, темами и идеями. А сама «восточная» повесть, имевшая основой источник из пехлевийской литературы (III—VII вв. на среднеперсидском языке) обогатила мировую литературу новыми мотивами и сюжетами.

В диссертации рассматриваются произведения, сюжеты которых имеют непосредственную связь со сказками сборника «Тысяча и одна ночь». Как показало исследование, повесть «Вор» - это переложение «Рассказа о Халиде ибн Абд-Аллахе аль-Касри», «Бедуин» - «Рассказ о честном юноше» из «Тысячи и одной ночи». Оба произведения объединяет мотив совершения преступления и следующего за ним наказания и оправдания преступника.

Свою повесть «Вор», в отличие от сказки, О.И. Сенковский построил на воспоминаниях арабского писателя Абу-Саид-Асмаи, прибывшего к правителю города Бассоры Халеду сыну Абдаллаха. В конце повествования Сенковский раскрывает истинное имя героя повести. Молодой человек, назвавшийся Зейдом, сыном Амру, оказался поэтом Абу-Навасом¹⁹. Анализируемое произведение заслуживает внимания, так как Абу-Навас является связующим звеном между арабской и персидско-таджикской литературой.

О.И. Сенковский, взяв за основу сказку из «Тысяча и одной ночи», создал своеобразную историю: молодой человек, будучи схваченным на любовном свидании и желая спасти любимую от позора, выдает себя за вора. В этой связи для достоверности излагаемого писатель ввел в повествование образ рассказчика. Здесь особенно проявляется мастерство Сенковского в создании «восточных» повестей. Он воссоздает для европейцев экзотический восточный мир: пышные дворцы, грозный правитель и джелляд (палач), вино и раккасы (танцовщицы) и убеждения восточного человека, уверовавшего, что все происходит по воле Аллаха. Многие нововведения О.И. Сенковского, внесенные им в повествование (с сохранением последовательности событий), преобразили повесть: один из рассказов «Тысяча и одной ночи» стал историей из жизни поэта Абу-Наваса, с которой нас ознакомил арабский ученый и писатель Абу-Саид-Асмаи. Будучи не единственным создателем жанра «восточной повести», О.И. Сенковский сохранил свою творческую оригинальность, используя индивидуальные приемы и средства художественной изобразительности, и проявив мастерство в создании литературных мистификаций.

Другая повесть писателя «Бедуин» является переложением «Рассказа о честном юноше» из «Тысячи и одной ночи». И здесь Сенковский сохраняет сюжет оригинала: к правителю привели юношу, обвиняемого в убийстве старца и признавшегося в своем поступке. Юноша просит об отсрочке казни под поручительство, чтобы завершить дела, и возвращается через обещанные три дня. Однако, если в «Тысяче и одной ночи» о суде повелителя правоверных Омара ибн аль-Хаттаба нам повествует Хусейн ибн Райян, то в повести Сенковского источник не указывается.

Привлекает внимание перевод определенных выражений. Ключевые слова фраз из сказок и повести: верность - добросовестность, достоинство - великодушие, милость - благородство. На наш взгляд, Сенковский сохраняет

¹⁹ Абу Нувас аль-Хасан бен Хани аль-Хаками - выдающийся поэт эпохи Харун ар-Рашида и аль-Амина.

смысл отдельных выражений с целью изменить их идейную направленность: в сказке - прощение и милость во имя Аллаха, в повести – благородный поступок и долг совести. Так, в сказке юноша свое добровольное возвращение на казнь поясняет так: «Разве вы не уверились, что, когда явится смерть, никто от нее не спасется. Я был верен, чтоб не сказали: «Исчезла верность среди людей» [13, IV, с. 309]. Автор повести изменил слова юноши, объясняющие его возвращение: «... Обманщик никогда не познает благодати Всевышнего, и только праведные доступны его милосердию и щедротам; я уверен, что если суждена кому смерть, то никакая власть человеческая отразить ее не может и потому спешил к вам, чтобы не сказали, будто добросовестность погибла между людьми» [21, I, с. 226]. Юноши в сказке, простившие преступнику смерть отца, объясняют свой поступок так: «..чтобы не сказали: «Исчезла милость среди людей» [13, IV, с. 309]. И объясняют причину прощения: «Мы простили его, стремясь к лику Аллаха, а кого намерения таковы, у тех вслед милости не идет попрек или обида» [13, IV, с. 309]. В повести сыновья убитого обратились к правителю: «...Этот юноша загладил свое преступление благородным поступком, и мы прощаем ему кровь нашего отца, чтоб не сказали, будто погибло между людьми благородство души» [21, I, с. 226].

Как показало сопоставление, сами сюжеты, а также реплики героев подтверждают мысль, что восточные повести Сенковского «Вор» и «Бедуин» построены на основе сказок «Тысяча и одна ночь». Как ученый-востоковед, О.И. Сенковский старается сохранить особенности быта восточных народов, показать их менталитет и отношение к жизни. Писатель передает особенности речи восточного человека, стараясь сохранить значение и игру слов.

Источником повести О.И. Сенковского «Деревянная красавица» является «Рассказ об отшельнике, столяре, золотых дел мастере и портном, о том, как они влюбились в деревянное изображение и искали правосудия у дерева» из «Тути-наме» («Книга попугая»). «Тути-наме» - персидско-таджикский литературный памятник, книга сказок Зияуддина Нахшаби, датируемая 1330 годом, в основе которой – индийская повесть в прозе и стихах «Шукасаптати» («Семьдесят рассказов попугая»), относящаяся к XI веку. В повести «Деревянная красавица» Сенковский, взяв фрагмент из восточного материала, вводит изменения в повествование, добавляет события и героев. В этой связи в диссертации отмечается, что для писателя традиционно отсутствие указания на первоисточник при написании «восточной» повести. В «Рассказе об отшельнике, столяре, золотых дел мастере и портном, о том, как они влюбились в деревянное изображение и искали правосудия у дерева» (Ночь шестая) из «Тути-наме» преамбула повествования попугая – рассказ о напрасной тоске влюбленных. Во время путешествия четыре странника на одной из стоянок решили сторожить по очереди ночью и, отгоняя сон, каждый внес свою лепту в ожившую

скульптуру. Поутру все четыре путника заявили свои права на нее. Попытки найти решение привели их к «Древу судей». Девушка исчезла, а влюбленные остались полными скорби. Сенковский основной мыслью повести «Деревянная красавица» привел изречение восточных мудрецов: «Неправдой присвоенное чужое впрок не пойдет» [21, I, с. 236].

Развлекательный рассказ попугая из «Тути-наме» у Сенковского стал самостоятельной «восточной» повестью, с сохранением традиционной для восточной литературы дидактической направленностью. Тема тоски влюбленных из восточной сказки стала в повести нравоучительным повествованием. О.И. Сенковский сохранил лишь эпизод об ожившей деревянной скульптуре и споре четырех путников. В остальном мы видим результат творческой переработки. Сравнение продемонстрировало некоторую степень изменения Сенковским материала оригинала при сохранении в целом сюжетной основы.

В параграфе 3.2. «**Особенности переводов «восточных» повестей Д.П. Ознобишина**» отмечается, что Д.П. Ознобишину принадлежит также цикл «восточных» повестей «Арабески, или собрание восточных повестей», состоящий из десяти произведений и относящийся к 1840 гг. Как следует из примечания к сборнику, Д.П. Ознобишин, внося изменения в процессе перевода, стремился, по мере возможности, разъяснить русскому читателю жизнь, нравы и обычаи представителей восточного мира.

Следует сказать, что сказки «Тысяча и одной ночи» в европейских переводах XVIII- XIX века были известны Д.П. Ознобишину, но он в своем творчестве опирается большей частью на оригинальные тексты. Так повесть Ознобишина «Посещение» (1827) является переводом «Рассказа об Исхаке Мосульском и слепце», «Соперничество шести невольниц» (1841) – «Рассказом о шести невольницах», а «Спор» (1626) – «Рассказом об аль-Асмаи и трех девушках».

В повести «Посещение» нет ссылки или каких-либо пояснений, связывающих ее с «Рассказом об Исхаке Мосульском и слепце», однако проведенный анализ показал, что в этом переложении сюжет сказки Ознобишиным сохранен. Ознобишин внес небольшое изменение в текст, но сохранил сюжет и конфликт оригинала, передав один из мотивов сборника – предостережение от распутства: отношения мужчины и женщины, не освященные браком, греховны. Таким образом, повесть Ознобишина сохранила дидактическую направленность свойственную для восточной литературы.

«Соперничество шести невольниц», как и «Посещение», восходит к сказкам «Тысяча и одной ночи», но в то же время в ней нет упоминания первоисточника. При переводе Ознобишин сохранил систему событий, изменив лишь некоторые моменты.

Халиф Мамун (аль-Мамун) пожелал услышать приятную повесть. И гость Мухаммад аль-Басри, повинуясь, знакомит халифа с удивительным

происшествием. Некий человек из Йемена переехал в Багдад, «желая вести жизнь свою с большим удобством и приятностью» [15, II]. Было у него шесть невольниц: «Одна была белая, другая смуглая, третья толстая, четвертая худощавая, пятая желтоватая, а шестая черная» [15, II]. Невольницы владели искусствами музыки и танца. Однажды, наслаждаясь их мастерством, «сказал он им, теперь пусть каждая из вас защищает свое дело, превознося себя похвалами, разумеется, приличными, и уменьшая достоинство красоты своей соперницы: белая против черной, худощавая против толстой, желтая против смуглой, но с условием основывать свои доказательства на свидетельстве поэтов» [15, II]. Выслушав своих невольниц, речь которых строилась на антитезе – восхвалении своих качеств и унижение соперницы, господин был еще больше очарован ими, оставалось только вознаградить их.

Ознобишин повествует далее о том, что рассказ так понравился халифу, что он захотел купить этих невольниц. Финал сказки отличается от повести: йеменец в угоду правителю продал невольниц, но в дальнейшем, испытывая мучения от этого, послал письмо правителю, описывая свои страдания от разлуки с любимыми невольницами. Это письмо возымело успех, так как халиф вернул наложниц прежнему хозяину.

Отметив несколько различий в оригинале и переводе, диссертант останавливается на переводе поэтических строк. Поэтические строки из повествования «Тысячи и одной ночи» в переложении Ознобишина звучат иначе. Отличие переводов стихотворных строк закономерно, так как для каждого поэта характерен индивидуальный способ передачи чувств.

Таким образом, к «восточной» повести Ознобишин обратился не только из желания популяризировать восточную литературу, но и с целью создания модного чтива нравоучительно-развлекательного содержания, что соответствовало запросам общества, интересу читательской публики к авантюрным произведениям.

Как было сказано выше, следующая восточная повесть Д.П. Ознобишина – «Спор» является пересказом «Рассказа об аль-Асмаи и трех девушках». Особенность повестей Ознобишина проявляется и в данном случае – без упоминаний их связи со сказками «Тысячи и одной ночи». В повести традиционная ситуация: она связана с образом скучающего правителя, которого развлекает рассказчик и заставляет задуматься, так как целью повествования является поучение или нравоучение. Скучающий халиф Гарун аль Рашид (в сказках - Харун ар-Рашид) желает для развлечения услышать повествование о женщинах-певицах. И аль-Асмаи, повинувшись, знакомит повелителя правоверных с удивительным происшествием. Во время пребывания в Бассоре аль-Асмай услышал стихи трех девушек.

Стихи первой: «украдкой Мимо ложа он мелькнул, зачем сей ночью – сладкой Сон глаза мои сомкнул!» [15, II]. Вторая делится своим сном: «В светлом, утреннем виденьи Милый друг явился мне; Я мечтала, в упоеньи, Жизнь утратить в наслажденьи; – Счастье было лишь во сне» [15, II]. Третья

исполнительница «всякий час прохладной ночи» делит с ним; «мне его сияют очи наслаждением живым» [15, II]. Эти строки сказки М.А. Салье переводит так: «Душой и семьей куплю того, кого вижу я На ложе в ночи со мной, чей дух лучше мускуса [13, VI, с. 189].

Позже певицы дают аль-Асмаи право судить и определить лучшую. И аль-Асмаи выносит приговор: «Младшей... награда, Песнь ее души полна, В ней небесная отрада С звуком сердца сдружена! [15, II]

Халифу аль-Асмаи так объясняет свой приговор исполнительницам: Первая желала, у Второй сновидения. «Третья, напротив того, видела действительно своего возлюбленного и чувствовала себя обвеянную благовонием роз» [15, II], что отличается от сказки – объяснение аль-Асмаи халифу, почему он отдал победу младшей сестре: у старшей условно – может быть или не быть, средняя приветствовала призрак воображения. Что же касается младшей сестры, «то она сказала в нем, что лежала с любимым, как лежат в действительности и вдыхала его дыхание, которое приятнее мускуса, и выкупила бы его своей душой и семьей. А выкупают душой только того, кто дороже всего на свете» [13, VI, с. 191].

Как видим, отличается повесть Д.П. Ознобишина «Спор» от «Рассказа об аль-Асмаи и трех девушках» перестановкой событий. В повести аль-Асмаи услышал вначале три стиха, а потом узнал, что это поэтическое соревнование трех сестер. Ознобишин дословно перевел стихи победительницы поэтического спора, но сменил благоухание розы на мускус и не включил в свой текст элемент выкупа любимого из сказки. А благоухание розы, традиционной в ориентальной поэзии, было введено, поскольку запах мускуса мог быть непонятен русскому читателю.

Подводя итог исследованию «восточных» повестей Д.П. Ознобишина, переведенных из сборника сказок «Тысячи и одной ночи», можно резюмировать, что выбор сказок для переложений обусловлен их соответствием канонам современной ему «восточной» повести: традиционной дидактической направленностью, развлекательным началом, восточной образностью, образом скучающего правителя, которого развлекает занимательным рассказом визирь или поэтическое соревнование.

Ознобишин в качестве первоисточника повести выбирает макамы. Это – специфический жанр, основу которого составляет рифмованная проза с большим количеством стихотворных вставок. Макамы изобилуют метафорами, аллегориями, сравнениями, иносказанием, цитатами из Корана. Циклы макам состоят из нескольких произведений, объединенных главными героями. Герой – остроумный и веселый бродяга, красноречивый и находчивый. Он образованный человек, оратор и импровизатор, своим рассказом заинтересовывающий слушателей и заставляющий их раскошелиться. Второй герой – это рассказчик, который встречает главного героя. Рассказчик и сам может оказаться жертвой обмана. Узнав обманщика,

он укоряет его. Но бродяга отвечает изречением, оправдывающим его поступок.

В диссертации обращается внимание на то, что Д.П. Ознобишин при переводе сохранил название оригинала – «Золотая монета» («Динарийская макама»). Для сравнения макамы с переводами приводится текст оригинала, порицающий золото и его подстрочные переводы. Как показал сопоставительный анализ, Ознобишин сохранил многие слова и выражения первоисточника: погибнет, обманывает, двуличный; правды не видно, коварство и зло, распри, раздоры кругом; вор обезручен; невежда, презренна мудрецом, прочь, не кажись пред лицом. Но для художественной выразительности добавил: «таешь в томленьем немом; мир поучаешь коварством, полезна, когда покидаешь лишь дом». Таким образом, добавления Ознобишина придали экспрессии авторским сентенциям, порицающим алчность.

Диссертантом, отмечено, что перевод Ознобишина, с одной стороны, имеет развлекательную направленность. В результате русский читатель ознакомился с занимательным повествованием, в котором герой в облики хромого нищего находит себе пропитание, обманывая людей, но он не радуется ни своему положению, ни способу выживания. С другой стороны, Д.П. Ознобишин проделал огромную творческую работу по сохранению ритмико-рифмического звучания средневекового текста и попытался прозаическое повествование передать в стихотворной форме, присущей жанру макамы.

В Главе 4 **«Персидско-таджикские мотивы повестей Ф.В. Булгарина и А.А. Бестужева-Марлинского»** говорится, что наряду с повестями, которые явно имеют персидско-таджикские источники, существуют произведения, в которых классика далекой и древней Персии настолько завуалирована, что нуждается в тщательном анализе для определения путей ее проникновения, освоения и отражения в русской литературе. Другой особенностью восточных повестей является зарождение и развитие тенденций к переходу от романтизма к реалистическому методу изображения действительности.

В параграфе **4.1. «Тематика «восточных» повестей Ф.В. Булгарина»** указывается, что ориентальная проза Ф.В. Булгарина представлена повестями, сказаниями, сказками, апологами и рассказами, что соответствует многообразию жанра «восточной» повести. При этом отмечается назидательная тематика повестей Ф.В. Булгарина, характерная для жанра «восточной» повести: воспевание трудолюбия, честности, добродетели и осуждение человеческих пороков.

В параграфе анализируется повесть Булгарина «Раздел наследства» (восточная повесть) о перипетиях судьбы четырех братьев. Их взлеты и падения привели к осознанию того, что честный труд и семейное благополучие позволят вкушать земного блаженства. Заключают эту

«восточную повесть» наставления потомкам, довольно часто встречаемые в персидско-таджикской литературе, о пользе честного труда, об исполнении долга и обязанностей.

Далее, в параграфе рассматривается повесть Ф.В. Булгарина «Человек и мысль» (Восточный аполог), посвященная теме человеческой мудрости и чистоты сердца, праведных деяний, торжества справедливости над злом. Героя повести Абдалу в минуту горестных размышлений посетила в образе прекрасной женщины Мысль. Она явилась к нему, чтобы утешить его и развеять заблуждения. Мысль прервала сетование героя и унесла его в пространство, где ему дано было увидеть мириады миров, где Земля - одна из множества светлых точек во Вселенной, созданной по воле Бога, а враги исчезли в величии мироздания; умчала героя в круг друзей, где герой услышал рассуждения друзей о счастье: о чистой совести и исполнении обязанностей, о прекрасной жизни с невинными наслаждениями в мире любви и дружбы.

Повесть занимательна и нравоучительна. Человек в мире, полном соблазнов и грехов, должен вести праведный образ жизни, помнить о своих обязанностях, творить добро и быть милосердным. Помнить, что злу не вечно торжествовать и истина будет победителем в споре, что труд украшает человека, что необходимо благодарить Бога и исполнять его заповеди.

Эта назидательная направленность восточной сказки, свойственная сборникам сказок «Тысяча и одной ночи» и «Тути-наме» («Книга попугая»), характерна и для «восточных» повестей конца XVIII - начала XIX веков. Но если «восточная» атрибутика во многих русских повестях абстрактна и выступает, главным образом, лишь как фон, то Ф.В. Булгарин насыщает свои произведения восточной этикой. В апологе Ф.В. Булгарина «Человек и мысль» есть момент, который особенно привлекает внимание: слова благодарности наместнику Бога на Земле – Халифу – поскольку мотив восхваления мудрых царей и правителей пронизывает всю персидско-таджикскую классику и фольклор: «Пожелаем всех благ мудрому нашему Халифу, который неусыпно печется о нашем спокойствии и благоденствии!» [4, с. 226].

«Фонтан милости» (Восточный аполог) – имеет назидательную направленность, как и предыдущие восточные повести Ф.В. Булгарина, и повествует о гибели процветавшего города Пальмиры. В награду за добродетельную и праведную жизнь людям дан чудесный источник, исполняющий желания. Но люди, движимые гордыней и сладострастием, поддались искушениям. И в наказание за грехи они потеряли источник. В повести звучит сожаление, что люди, умудренные опытом, не делают правильных выводов из уроков жизни. Судьба дает человеку шанс прожить в гармонии и любви, честным трудом находя пропитание, следуя заповедям предков. Но гласом вопиющего в пустыне остаются слова о мудрости.

Далее отмечается, что герой повестей наделен прекрасными природными наклонностями, развитыми воспитанием, светлым умом, благородством, великодушием и прямодушием. Ему дано усмирять свои страсти, он лишен самолюбия. Утешения от несчастий герой находит в дружбе и поисках истины, его развлечения достойны порядочного человека. «Восточная» повесть привлекла Ф.В. Булгарина прежде всего своим дидактизмом. В его повестях назидательные выводы перекликаются, представляя собой стройную систему этических ценностей. Так, в «Разделе наследства» (восточная повесть) утверждается, что удовольствие жизни – в здоровье, свободе, в труде и отдыхе, в любви и дружбе. «Человек и мысль» (Восточный аполог) провозглашает прекрасную жизнь для наслаждений в мире любви и дружбы. «Фонтан милости» (Восточный аполог) говорит о необходимости человеку мудрости и добродетели. Наказываются ложь и зло, алчность и тщеславие – человеческие пороки, ведущие героев к отчаянию и бедствию.

В «восточных» повестях Ф.В. Булгарина встречаются традиционные для персидско-таджикской литературы мотивы. Например, мотив испытания героев получил развитие в «Разделе наследства», в повести «Человек и мысль» – характерный для восточных сказок мотив странствия. Из восточной сказки заимствована аллегория мысли или духа, который способен переносить во времени и пространстве. В повестях встречается источник, обладающий волшебной силой и способностью воплощать желания людей, или кольцо, наделенное определенной силой. Для восточных повестей характерно иносказательное или аллегорическое описание жизни человека, искушений и соблазнов, встречающихся на его жизненном пути, что призвано помочь читателю решить его морально-нравственную проблему. Система образов повестей традиционна. Наряду со справедливым правителем, мудрым визирем, добродетельным поселянином в ней присутствует дервиш или мудрец, наставляющий на путь истинный или порицающий дурные поступки, подводящий итог происшедшего мудрыми изречениями. Это не случайно – умудренные жизнью, убеленные сединами, они являют собой кладезь мудрости, за что всегда были почитаемы на Востоке.

Ф.В. Булгарин обращается в повестях к восточному миросозерцанию, к мысли о вечности Вселенной и бренности человеческой жизни, о смирении и внутренней гармонии. Перед внутренним миром духовно богатого и чистого душой человека все земные тяготы ничтожны. За горестями и печалью идут радость и веселье, эта чередка неизменна. Ф.В. Булгарин ведет читателя вслед за героем: человеку необходимо отказаться от страстей и тщеславия, освободиться от оков слепого подчинения моде и предрассудкам, тогда он познает истинное состояние души. Отличительная сторона художественного творчества Булгарина – «философия здравого мышления человека» – служила руководством в помыслах и делах. Литература должна

влиять на сознание читателей, улучшать души людей, изменять общество, а «восточная» повесть оказалась удобной формой выражения политических и идеологических взглядов.

Ф.В. Булгарин входит в русский литературный процесс начала XIX века с новыми европейскими веяниями - утверждением личности и призывом гражданского служения отчизне, проповедью уважения к человеку, невзирая на чин и происхождение, активной жизненной позицией, исходящей из гражданского и нравственного долга.

Назидательная тематика прозы Ф.В. Булгарина была характерна для самого жанра «восточной» повести: воспевание добродетели и осуждение человеческих пороков. Можно выделить группу произведений Ф.В. Булгарина, связанных с образом правителя и рассуждениями о принципах управления государством: «Правосудие и заслуга» (Восточная сказка), «Закон и совесть» (Восточное сказание), «Милость и правосудие» (Восточная повесть). В них получает развитие тема взаимоотношений людей, различающихся по своему положению в обществе, и большое внимание уделяется правителю, в руках которого находится судьба народа.

«Правосудие и заслуга» (Восточная сказка) предварена эпитафией «Его любили за его справедливость». В повести Халиф Гарун-аль-Рашид дал обет поощрить своих подданных и лучшего наградить: достойным объявлен Гафиз (Хафиз). Этот поступок правителя был одобрен народом. Появление вышеназванных произведений Ф.В. Булгарина не случайно, оно объясняется интересом писателя к теме справедливого государя, озабоченного мыслью о благоденствии подданных: «Сказал посланник Аллаха, – да благословит его Аллах и да приветствует: «Если два сословия среди людей праведны, – и люди будут праведны, а если они неправедны, то неправедны и люди, – это ученые и эмиры» [13, II, с. 104]. Неотъемлемым свойством идеального монарха было покровительство наукам и искусствам. С другой стороны, тема места и роли поэта в обществе, характерная как для восточной литературы, так и для литературы романтизма, занимает не менее важное место в творчестве русских писателей и поэтов.

В восточных сказках читатель находил много примеров о правосудии правителя и добродетели подданных. Так, в сказках «Тысяча и одной ночи» имеются рассуждения о том, что люди движимы страстями и забывают о справедливости, а царям дано распространять справедливость; они подводят читателя к мысли, что царю необходима поддержка образованных людей, он должен опираться на ученых общества, поэтому вознаграждение мудрого Гафиза Халифом Гарун-аль-Рашидом в повести Ф.В. Булгарина «Правосудие и заслуга» правомерна.

В этой связи исследуются источники «восточных» повестей Ф.В. Булгарина: сказки «Тысячи и одной ночи» и «Гулистан» и «Бустан» Саади. Русских писателей (Радищева, Карамзина, Крылова, Новикова) привлекли призывы Саади к правителям быть мудрыми и справедливыми. В обществе,

возглавляемом просвещенным правителем, будут искоренены пороки и недостатки.

Произведение Ф.В. Булгарина «Закон и совесть» (Восточное сказание) имеет целью пропаганду основополагающего принципа государственности – соблюдения законов, обеспечивающих спокойствие и порядок в стране, благополучие ее граждан. Человек – слабое существо, имеет нужду в путеводителе: чувства и страсти могут иметь вредные последствия. Судьи избираются для толкования закона, не отступая от смысла, обязаны провозглашать «совестный приговор по существующим законам».

«Милость и правосудие» (Восточная повесть) имеет эпиграф «Где правосудие, там мир и счастье», который наводит читателя на размышления о том, в чем смысл правосудия. Действие повести начинается у ворот Багдада, где встретились в два человека – Гассан и Галев. Гассан требует правосудия, Галев просит милости. В финале первый – в отчаянии и горести, другой – успешен, хотя Гассан прав и добродетелен, а Галев – виноват и не может похвалиться добродетельными чертами характера. Страдания Гассана связаны с правителем, который поддался соблазнам и забыл о своей ответственности перед подданными.

В диссертации указывается на связь повести Булгарина с пьесой А.С. Грибоедова «Горе от ума». Путь к успеху Галеба: восхваление сада Визиря, уход за дворовыми собаками, лесть слугам (евнуху, страже, секретарю) и самому Визирю, его помыслы (прошу милости), напоминают героя пьесы А.С. Грибоедова – Молчалина и его жизненное кредо:

Во-первых, угождай всем людям без изъятья –
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить.
Слуге его, который чистит платья.
Швейцару, дворнику, для избежания зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была [7, с. 124].

Эти строки пьесы А.С. Грибоедова берут начало из «Гулистана» Саади. В подлиннике:

Дари миру вазиру султонро
Бе василат магард пироман.
Сагу дарбон чу ёфтанд гариб,
Ин гиребон-ш гирад, он доман [20, с. 37].

Перевод Р. Алиева и А. Старостина достаточно близок по форме и содержанию (объемное высказывание) к оригиналу:

Коль дела нет к султану, к эмиру и к вазиру,
Тогда держись подальше, о друг, от их ворот.
Собака и привратник увидят чужого –
Та – за полу ухватит, а за ворот тот [17, с. 72].

А.С. Грибоедов строки из «Гулистана» Саади интерпретирует по-своему: бедняк не будет услышан секретарем и визирем султана, если не будут к

нему благосклонны. А строки пьесы А.С. Грибоедова «Горе от ума» использованы Ф.В. Булгариным как основа «восточной» повести «Милость и правосудие».

В параграфе 4.2. «Художественное своеобразие «восточных» повестей А.А. Бестужева-Марлинского» речь идет об ориентализме произведений А.А. Бестужева-Марлинского, при этом обращается внимание на ряд моментов: неоднократные обращения декабриста к персидско-таджикской классике, к персидскому стиху – газелям Хафиза и назиданиям Саади.

Повести А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек» и «Мулла-Нур» рассматриваются в диссертации как «восточные» («кавказская» повесть – как разновидность «восточной» повести). Восточные повести А. Бестужева-Марлинского в этом отношении отличаются скрупулезной точностью в описании национальных обстоятельств. Поэтика романтической прозы Бестужева-Марлинского предопределяла дальнейшее развитие эпических форм в изображении «жизни страстей», мельчайших оттенков чувств и мироощущения личности в соотношении с её идеалами, в воссоздании национальной стихии и истории, судьбы героя на фоне исторических событий и самого исторического события как предмета изображения. Романтическое восприятие истории через призму страстей, настроений и представлений героя порождает особого рода историзм. В романтической прозе личное чувство, личные отношения и идеальные представления определяют развитие событий. Ориентация на воспроизведение исторической обстановки сказывается в деталях быта, в темах разговоров и в освещении конфликтов, обусловленных идейно-нравственными позициями героев. Вместе с тем, сами эти столкновения «идеальны», а в известной мере и условны, ибо настроения и мнения враждующих сторон не подкреплены еще, так сказать, историческими аргументами. Словом, романтическая эстетика, требовавшая интенсивного действия и движения событий и лиц, приводила романтиков к значительным художественным завоеваниям. Одним из них было умение связать воедино поступки героев, дав их в законченной последовательности. Примечательно, что отныне все её достижения и успехи будут связаны в первую очередь с реализмом, почву для которого одним из первых подготовил Бестужев-Марлинский – романтик и автор многочисленных романтических повестей.

«Восточные» повести А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек» и «Мулла-Нур» отличаются от повестей О.И. Сенковского, Д.П. Ознобишина, Ф.В. Булгарина. Данные писатели, создавая «восточные» повести, брали за основу сюжеты из восточных сказок «Тысячи и одной ночи», «Тути-наме», «Калилы и Димны». В переложениях вышеназванных произведений сохранялась развлекательная или назидательная цель, характерная для восточных фольклорных произведений. «Восточная» повесть имеет также ряд черт: размытость в определении оригинальности произведения и

перевода; неопределенность жанра повести в связи с ее разновидностями; писатели чаще имели дело с абстрактным Востоком.

В творчестве А.А. Бестужева-Марлинского «восточная» повесть представлена повестью в чистом виде. Следующая проблема – вопрос реальности и историчности повествования, так как писатель в произведении представил реальные исторические события и естественный Восток без грима. Характерное преобладание реалистических тенденций изображения восточной тематики в русской литературе XIX века, наблюдающееся в творчестве А.С. Пушкина, заметно и в «восточных» повестях Ф.В. Булгарина и А.А. Бестужева-Марлинского.

Ставка на реалистичность в описании восточного мира наблюдается, к примеру, в рассказе Ф.В. Булгарина «Янычар, или жертва междуусобия» (1827). В своей «восточной» повести писатель использует исторические события с целью отображения своей точки зрения на события 1825 г. в России (декабристское восстание). Выступая противником «натуральной» школы, Ф.В. Булгарин в своем творчестве использует примитивные приемы реализма, приближенные к физиологическому очерку. Это сторона особенности творчества Ф. Булгарина закономерна в свете развития «восточной» повести, поскольку «восточная» повесть в хронологической очередности эволюционировала от псевдовосточной темы к попытке реалистического познания восточного мира, к этапу конкретно-научного освоения реального Востока. Как показал анализ рассказа «Янычар, или жертва междуусобия» Ф.В. Булгарина, картины восточного мира с определенными реалиями, со стремлением к реалистическому изображению исторических событий являются формой подачи идейного содержания. В рассказе «Янычар» нравоописательная традиция Ф. Булгарина сохраняется, но подвергается трансформации путь подачи материала.

Основу «восточных» повестей А.А. Бестужева-Марлинского составляют легенды и были, отображающие реальные события: оборона Дербента во время восстания Казимуллы, убийство Амалат-беком Верховского, исторические лица (генерал Ермолов, Мулла-Нур, Султан-Ахмет-хан и Султанет). А.А. Бестужев-Марлинский описывает чаще всего события, свидетелем которых он являлся.

Как показали факты биографии писателя, он не только знал персидскую классику, но и переводил образцы этой поэзии на русский язык. Примерами могут служить стихотворение Хафиза, прозвучавшее в его переложении в «Мулла-Нуре», а также другие стихи персидского поэта, заимствованные из знаменитого «Западно-восточного дивана» И.В. Гете. В повести «Мулла-Нур» имеется пример, свидетельствующий об увлечении А. Бестужева произведениями персидско-таджикской поэзии. Сердце героя повести Искандер-бека пленяют «сладкозвучные» стихи «фарсийских²⁰ поэтов», он

²⁰ Персидских поэтов

очарован образностью и символикой, многозначностью строк и «досказывал сердцем непонятный смысл».

Персидско-таджикские мотивы и образы станут востребованы особенно в эпоху романтизма. В творчестве русских писателей (А. Бестужева-Марлинского, Д.П. Ознобишина, А.С. Пушкина) наряду с образами розы и соловья, пророка, девы Востока привлекает внимание образ фонтана, передающий горечь разлуки с друзьями и боль утраты. Он пришел в русскую литературу благодаря переводу «Восточного романа» Томаса Мура «Лала-Рук». Образ фонтана встречается в творчестве многих поэтов – И.М. Муравьева-Апостола, А. Мицкевича, Д.Г. Байрона, обыгрывается во многих произведениях А.С. Пушкина, заимствован и А.А. Бестужевым-Марлинским и связан со строками из «Бустана» Саади о бренности бытия:

Бар ин чашма чун мо баче дам заданд,
Бирафтанд, чун чашм бар ҳам заданд.
Гирифтем олам ба мардию зӯр,
Валекин набурдем бо худ ба гӯр! [19, с. 35]

В переводе В. Державина:

Здесь сотни сотен жажду утоляли,
И, не успев моргнуть, как сон пропали.
Мы покорили царства всей земли,
Но взять с собой в могилу не могли! [18, с. 73]

В них говорится о скоротечности жизни:

Чаро дил бар ин корвонгах ниҳем?
Ки ёрон бирафтанду мо дар раҳем.
Пас аз мо хамин гул диҳад бӯстон,
Нишинанд бо якдигар дӯстон [19, с. 271].

Перевод В. Державина:

Ты спишь в работе этом, в неге тонешь?
Друзья ушли, ты скоро их догонишь.
Умрем, сады весною расцветут,
И новые влюбленные придут [18, с. 407].

А.С. Пушкин использует эти строки в 51 строфе 8 главы «Евгения Онегина», что будет вызывать в русском обществе ассоциацию с декабристским восстанием и, несомненно, свидетельствовать о верности поэта идеалам свободолюбия. Это двестише будет перефразировано в «Бахчисарайском фонтане» с указанием первоисточника - Саади: «Многие так же, как и я, посещали сей фонтан, но иных уже нет, другие странствуют далече...». Строки Саади привлекут внимание и А. Бестужева-Марлинского, использовавшего строки в повести «Фрегат «Надежда» в размышлениях героя: «И потом, где те, которые любовались им так недавно? Одних уж нет, другие странствуют далече!» – со вздохом думал Правдин» [2, II, с. 231].

Таким образом, творчество А.А. Бестужева-Марлинского является ярким свидетельством любви писателя к Востоку, восточным традициям. У него нет ни одного прозаического произведения, в котором бы он обошел

вниманием восточную тематику, персидско-таджикскую поэзию, поэтику персидского стиха. Отметим прямые переводы из «Западно-восточного дивана» И.В. Гете, использование в «восточной» повести переложений Хафиза, глубокое осмысление персидско-таджикской литературы в литературно-критических статьях.

В **Заключении** подытожены основные результаты исследования в виде следующих выводов:

1. Русско-восточные литературные связи, имеющие давние традиции, характеризуются в первую треть XIX века обширным освоением Востока. Это обусловлено экономическими и политическими отношениями России и стран Востока и романтическим освоением ориентализма русским литературным процессом.

2. На смену общего понятия «восточная литература» приходит осознание индивидуальности творчества народов Востока – литература персидско-таджикская, арабская, турецкая, и т.д. Познание восточной литературы происходит в период поиска новых форм и способов выражения, становления новой эстетической идеи. Духовное наследие восточной литературы, а конкретнее – персидско-таджикской, было богатством, столь необходимым европейскому и русскому литературному процессу. Именно тогда темы и сюжеты, образы и мотивы персидско-таджикской литературы и фольклора станут неотъемлемой частью национальной культуры России.

3. Исследованием подтверждено, что европейский читатель вошел в мир восточной литературы благодаря трудам И.Х. фон Пургшталя, Б. д'Эрбело, Ф. Рюккерта. Но в большей степени значимыми трудами по персидско-таджикской литературе были исследования И.В. Гете и А. Журдена, в которых Восток предстал в качестве источника цивилизации и духовного света, родиной избранных личностей. Европейский читатель знакомится с биографией восточных поэтов и их творчеством, характеристикой произведений, особенностями персидско-таджикской поэтики: преобладанием духа, особенностями слова, калейдоскопом цвета и чувств.

4. Наряду с достижениями европейского ориентализма русский литературный процесс обогащается научными литературоведческими исследованиями О.И. Сенковского и Н.В. Гоголя, А.А. Бестужева-Марлинского и Д.П. Ознобишина. Если О.И. Сенковский и Н.В. Гоголь в своих рассуждениях близки к европейскому взгляду на Восток, то А.А. Бестужев-Марлинский, рассматривая литературу Востока, связывает ее с периодами эволюции романтизма. Значимое место им отведено представителям персидско-таджикской поэзии: величию Фирдоуси, эпикурейству Хафиза, мудрым высказываниям Саади, – что доказывает уважительное отношение к персидскому Востоку, к его изящной поэзии.

Д.П. Ознобишин посвятил свое исследование китайской и индийской литературам, поэзии евреев, арабов, персов, турок, выделяя характерные черты, обусловленные внешними обстоятельствами, – пламенную и

стремительную, величественную и тихую, разнообразную и роскошную словесность. Но более подробно критик рассматривал персидскую поэзию: негу и наслаждения «древних баснословных повествований и старинных вымыслов».

Как показало наше исследование, поклонники ориентализма Европы и России, знакомя читателей с восточной словесностью, были движимы мыслями обогащения своих литератур достижениями различных культур.

5. Установлено, что внимание В.А. Жуковского персидско-таджикская поэзия привлекла по ряду причин. Используя темы и образы персидско-таджикской литературы, отмечая характерное стремление восточной литературы к доброму и светлому, В.А. Жуковский показал читателю путь к самоочищению и добродетели. Собрание народных сказаний и истории – «Шахнаме» Фирдоуси перекликалось с романтическим мирозерцанием В.А. Жуковского. В эпизоде из «Шахнаме» о Рустаме и Сухробе поэт обращается к этическому вопросу: человеческую сущность героев выявляют страдания.

Определено, что тема возрождения, очищения и воскресения души через страдание является основным содержанием многих переложений из восточной литературы. А.И. Подолинский, В.А. Жуковский и Д.П. Ознобишин, следуя традициям использования художественных достижений восточной литературы для гуманистической проповеди, обратились к образу ангела, нарушившего заповедь бога и изгнанного с небес. Тема примирения и раскаяния грешника, пути прощения через страдание соответствовала излюбленному романтическому мотиву – попыткам грешника искупить грехи и вернуться к праведной жизни. Рассматриваемые произведения служат подтверждением путей рецепции восточной литературы русскими поэтами: не только через оригиналы произведений, но и благодаря переводам поэтов и писателей.

6. Д.П. Ознобишин занимает значимое место в русской ориенталистике начала XIX века. В персидско-таджикской литературе, а конкретнее – в газелях Хафиза, Д.П. Ознобишина привлекли эпикурейские мотивы, воспевание любви и веселья, призывы к наслаждению радостями жизни. Переводчик вводит в русскую литературу восточную тематику и мотивы, активно использует образную систему. Переводя газели, он сумел сохранить мысль оригинала и в то же время постарался ввести свою интерпретацию традиционных восточных образов.

Саади привлекал внимание европейских читателей дидактической направленностью произведений. Д.П. Ознобишин, передавая философское содержание произведений Саади, стремился ознакомить русского читателя с менталитетом и духовными ценностями восточного человека, утверждая в сознании читателя общечеловеческие ценности бытия.

Селам – условный язык и элемент восточного мира – получил развитие в европейской культуре благодаря переводам на европейские языки восточных

сказок, а также трудам европейских исследователей, «Западно-восточному дивану» И.В. Гете, «Селаму, или язык цветов» Д.П. Ознобишина. Суфийская философия и поэтика, опиравшаяся на символику, послужила источником языка намека, языка символов, метафор и иносказаний.

7. Достижением русского литературного процесса XVIII - начала XIX века стала «восточная» повесть, представленная во всём многообразии форм: сказание, аполог, басня, притча, легенда, быль, сама повесть и т.д. Её особенностью явилось отсутствие указания на источник, разграничение «автор – переводчик». Первоначально «восточная» повесть преследовала цель развлечь читателя экзотическим миром, необычными нравами. Исходя из дидактической специфики и философичности восточной литературы, повесть преследовала морально-этические и философско-сатирические задачи. Эпоха романтизма (с принципами индивидуальности и самобытности, интересом к фольклору; постижение взаимосвязи человека со средой, характера с окружающими обстоятельствами) привела к появлению в «восточной» повести элементов реалистического изображения.

8. Подтверждено, что О.И. Сенковский, автор «восточных» повестей, обращается к восточной литературе в поисках новых тем и образов. Одним из подобных источников стал сборник притч и басен «Панчатантра», памятник санскритской литературы, переведенный на пехлевийский (среднеперсидский) язык как «Калила и Димна». Переработка изменила сборник, поскольку переводчиком «Калилы и Димны» введена новая часть (новелла): «Глава о страннике, золотильщике, барсе, обезьяне и змее» является пехлевийским дополнением.

Сопоставление «восточной» повести О.И. Сенковского «Что такое люди!» и «Главы о страннике, золотильщике, барсе, обезьяне и змее» из «Калилы и Димны» показывает, что переводчик ввел в повествование диалог героев и поменял финальную часть. Это привело к изменению идейной направленности первоисточника и жанра произведения: из назидательной социально-бытовой сказки получилась сатирическая басня в прозе.

Другим источником повестей О.И. Сенковского стал восточный сборник сказок «Тысяча и одной ночи». Как показывает исследование, повести «Вор» и «Бедуин» объединяют мотив совершения преступления и следующего за ним наказания или оправдания преступника. Перед русским читателем в развлекательной форме предстает восточный мир, его история, нравы и традиции.

«Тути-наме» – персидско-таджикский литературный памятник, книга сказок Зияуддина Нахшаби «Шукасаптати» («Семьдесят рассказов попугая») – стал очередным источником повестей Сенковского. Как показало сопоставление, развлекательный «Рассказ об отшельнике, столяре, золотых дел мастере и портном, о том, как они влюбились в деревянное изображение и искали правосудия у дерева» из «Тути-наме» стал самостоятельной «восточной» повестью Сенковского «Деревянная красавица» с сохранением

традиционной для восточной литературы дидактической направленностью. Мотив восточной сказки тоски влюбленных по воле автора стал нравоучительным повествованием. О.И. Сенковский сохранил лишь элемент ожившей деревянной скульптуры и спор четырех путников, остальное – результат творческого воображения автора.

9. «Восточные» повести Д.П. Ознобишина «Соперничество шести невольниц», «Посещение» и «Спор», переведенные из сборника сказок «Тысячи и одной ночи», соответствовали канонам «восточной» повести. Ознобишин сохраняет систему событий, но вольно трактует происходящее; его художественный перевод чередуют прозаическое повествование и стихотворные строки.

«Восточная» повесть Д.П. Ознобишина «Золотая монета» (Динарийская макама) сохраняет традиционную развлекательность. Вместе с тем переводчик продемонстрировал русскому читателю ритмико-рифмическую организацию текста и художественные особенности литературы восточных народов.

10. Ориентальные повести, сказания, сказки, апологи и рассказы Ф.В. Булгарина соответствуют многообразию жанра «восточной» повести. Они преследуют назидательную и нравоучительную цель, что было характерно персидско-таджикской литературе, которая повлияла на творчество Ф.В. Булгарина и отразилась в его произведениях: воспевание трудолюбия, честности, добродетели и осуждение человеческих пороков. Русский читатель убеждается в общечеловеческих ценностях чужого мира. Восточный герой проповедует милость, ценит и сострадание, помогает ближнему; в памяти потомков остаются имена людей, проживших праведную жизнь.

Из прозы Ф.В. Булгарина с назидательной тематикой (воспевание добродетели и осуждение человеческих пороков) выделяется группа произведений, связанных с образом правителя и рассуждениями о государственности. Это связано с просветительской идеологией – проблемами государственного устройства и нравственно-этическими нормами власть имущих. Рассуждая о проблеме «милости и правосудия», Ф. Булгарин в своем видении государственного устройства изображает порочность самодержавия и высказывает точку зрения необходимости закона как фактора правосудия. Как показывает исследование, «восточная» повесть «Милость и правосудие» пример обращения русских писателей к персидско-таджикской классике: строки из «Гулистана» Саади стали основой произведения Ф. Булгарина.

11. Проза А.А. Бестужева-Марлинского – определенный этап в русском литературном процессе первой трети XIX века. Особенностью его «восточных» повестей являются реальная основа описываемого. Параллельно описанию исторических событий идет повествование о судьбе героев. Ставка на психологизм в изображении внутреннего мира героя

показывает связь личности и среды, изменения характера под влиянием факторов. Повести А.А. Бестужева-Марлинского «Мулла-Нур» и «Аммалат-Бек» с реалистическими картинками мира и менталитета восточных народов позволяли русскому читателю лучше узнать чужой мир.

Пристального внимания заслуживает факт обращения А.А. Бестужева-Марлинского к персидско-таджикской литературе. А. Бестужев поэтическим чутьем угадал в «Западно-восточном диване» В.И. Гете мировосприятие самого Хафиза – боль и страдания, восторг и упоение любовью и красотой и смог передать это на русский язык в переводах Хафиза и вплетая в повествование повестей «Аммалат-Бек» и «Мулла-Нур».

12. Неотъемлемой стороной русского ориентализма является интерес к мотивам и сюжетам, темам и образам персидско-таджикской литературы. Восточные изречения, мотивы творчества Фирдоуси, Саади, Хафиза стали неотъемлемой чертой русского литературного процесса эпохи романтизма. Мелодичные и чарующие стихотворные строки персидской классики, полные неги и возвышенных чувств, размышлениях о горестях и радостях жизни, многозначные и образные, изменялись в силу перевода в русской литературе, приобретали иную интерпретацию, но не теряли связи со своими истоками. Эти произведения являются демонстрацией восприятия и освоения персидской классики русской литературой, обогащения ее образами и темами, средствами создания характеров.

Список использованной литературы:

1. Бестужев-Марлинский, А.А. Статьи / Александр Александрович Бестужев-Марлинский // Декабристы. Эстетика и критика. – М.: Искусство, 1991. – С. 35-209.
2. Бестужев-Марлинский, А.А. Соч.: в 2 т. / Александр Александрович Бестужев-Марлинский; сост., подг. текста, вступит. статья и коммент. В.М. Кулешова. – М.: Худ. лит-ра, 1981. – Т. 1. – 487 с; – Т. 2. – 592 с.
3. Брагинский, И.С. Из истории персидской и таджикской литератур. Избранные работы / И.С. Брагинский. – М.: Наука, 1972. – 523 с.
4. Булгарин, Ф. В. Сочинения Фаддея Булгарина / Фаддей Венедиктович Булгарин. – Спб, 1830. – Ч. 5. – 226 с.
5. Гете, И.В. Западно-восточный диван / Иоганн Вольфганг Гете. – М.: Наука, 1988. – 894 с.
6. Гоголь, Н.В. Статьи / Николай Васильевич Гоголь // Собр. соч.: в 7 т. – Т. 6. – М.: Худ. лит-ра, 1986. – С. 7-29.
7. Грибоедов, А.С. Сочинения / Александр Сергеевич Грибоедов. – М.: Худ. лит-ра, 1988. – 752 с.
8. Жуковский, В.А. Соч.: в 3 т / Василий Андреевич Жуковский. – М., 1980. – Т. 2. – 493 с.; – Т. 3. – 621с .
9. Журден, А. О языке Персидском и словесности / Амабль Журден // Вестник Европы. – 81 часть. – № 9. – май 1815 г. – С. 28-38; – 82 часть. – №

12. – июнь 1815 г. – С. 284-296; – № 13. – июль 1815 г. – С.33-50; – № 14. – июль 1815 г. – С.109-120; – № 15. – август 1815 г. – С.168-174.
10. Каганович, С.Л. «Восточный» романтизм и русская романтическая поэзия / С.Л. Каганович // Контекст – 1982: Литературно-теоретические исследования. –М.: Наука, 1983. – С.192-224.
11. Калила и Димна / пер. с арабск. И.Ю. Крачковского и И.П. Кузьмичева; – 2-ое изд. – М.: Изд. Вост. лит-ры, 1957. – 281 с.
12. Конрад, Н.И. Запад и Восток. Статьи / Н.И. Конрад. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1972. – 496 с.
13. Книга тысячи и одной ночи: в 8 т. / пер. с араб. М.С. Салье. – 2-ое изд. – Душанбе: Ирфон, 1982. – Т. 1. – 320 с; – Т. 2. – 368 с; – Т. 4. – 400 с; – Т. 5. – 384 с; – Т. 6. – 384 с; – Т. 7. – 384 с; – Т. 8. – 352 с.
14. Ознобишин, Д.П. Восточная литература. О духе поэзии Восточных народов. Новейшие исследования и сочинения касательно Восточной Литературы и древностей / Дмитрий Петрович Ознобишин // Сын Отечества. – 1826. – № 4. – Часть 105. – С. 382-402; – №5. – Часть 106. – С. 63-80, – С. 161-178, – С. 272-292, – С. 351-374.
15. Ознобишин, Д.П. Стихотворения. Проза: в 2 кн. [Электронный ресурс] / Д.П. Ознобишин; изд. подг. Т.М. Гольц, А.А. Гришунин, Н.Н. Холмухамедова. – М.: Наука, 2001. – Кн. I. Режим доступа: <http://kniga.zet-dshinin.ru/modules>. – Кн. II. Режим доступа: <http://ozon.ru/context/detail/id/>.
16. Подолинский, А.И. Смерть Пери [Электронный ресурс] / А.И. Подолинский // Библиотека поэта. Поэты 1820-1830-х гг.: в 2 т. – Л.: Советский писатель, 1972. – Т.2. Режим доступа: <http://az.lib.ru/p/podolinskij>
17. Саади. Гулистан. Памятники литературы народов Востока / Саади; критич. текст, пер., предисл. и примеч. Р.М. Алиева. – М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1951. – 233 с.
18. Саади Шерази. Бустан / Саади Шерази Муслих-ад-дин Абу Мухаммад Абдаллах ибн-Мушриф ибн-Муслих ибн-Мушриф; пер. В. Державина; сост., предисл. и коммент. Р. Алиева. – Душанбе: Ирфон, 1971. – 450 с.
19. Саъдии Шерозӣ. Бӯстон. / Саъдии Шерозӣ. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2008. – 291 с.
20. Саъдии Шерозӣ. Гулистон / Саъдии Шерозӣ. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2008. – 231 с.
21. Сенковский, О.И. Собр. соч.: в 8 т. / Осип Иванович Сенковский. – СПб.: 1858-1859. – Т. 1. – 517 с; – Т. 3. – 504 с; – Т. 5. – 576 с; – Т.6. – 631 с; – Т.7. – 639 с; – Т.8. – 630 с.
22. Ҳофизӣ Шерозӣ. Куллиёт / Ҳофизӣ Шерозӣ. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 669 с.

Основные положения отражены в следующих монографиях:

1. Рахманов, Б.Р. Проблемы русско-восточных литературных связей в контексте творчества В.А. Жуковского и Д.П. Ознобишина: монография / Б.Р. Рахманов. – Душанбе: РТСУ, 2015. – 130 с.
2. Рахманов Б.Р. Художественное своеобразие «восточной» повести в русской литературе первой трети XIX века (образы, тематика, первоисточники и проблемы перевода): монография / Б.Р. Рахманов. – Душанбе: РТСУ, 2016. – 208 с.

Статьи, опубликованные в журналах, включенных в перечень ВАК:

1. Рахманов, Б.Р. Переложения сюжета о «Рустаме и Сухробе» Ф. Рюккертом и В.А. Жуковским / Б.Р. Рахманов // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2011. – № 4 (35). – С. 185-192.
2. Рахманов, Б.Р. Поэма-легенда Д.П. Ознобишина о языке цветов / Б.Р. Рахманов // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2013. – № 1 (40). – С. 250-258.
3. Рахманов, Б.Р. Особенности интерпретации образа Пери в поэмах В.А. Жуковского и А.И. Подолинского / Б.Р. Рахманов // Вестник Таджикского национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2013. – № 4/4 (116). – С. 228-235.
4. Рахманов, Б.Р. Мотивы поэзии Саади Шерази в лирике Д.П. Ознобишина / Б.Р. Рахманов // Вестник Таджикского национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино – 2014. – № 4/4 (140). – С. 170-176.
5. Рахманов, Б.Р. Переводы газелей Хафиза Д.П. Ознобишиным в контексте русского ориентализма / Б.Р. Рахманов // Вестник Таджикского национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2014. – № 4/1 (129). – С. 224-230.
6. Рахманов, Б.Р. Образ падшего ангела-демона (дива) в произведениях Д.П. Ознобишина / Б.Р. Рахманов // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2014. – № 2 (45). – С. 192-200.
7. Рахманов, Б.Р. Проблема «Восток – Запад» в интерпретации О.И. Сенковского и Н.В. Гоголя / Б.Р. Рахманов // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2015. – № 2 (49). – С.197-204.
8. Рахманов, Б.Р. Древнеарабская поэзия в восприятии О.И. Сенковского / Б.Р. Рахманов // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2015. – № 6. – С. 186-190.
9. Рахманов, Б.Р. Об источнике и образах восточной повести О.И. Сенковского «Антар» / Б.Р. Рахманов // Вестник Таджикского национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2015. – № 4/6 (177). – С. 156-164.

10. Рахманов, Б.Р. К вопросу об истории создания восточной повести О.И. Сенковского «Смерть Шанфария» / Б.Р. Рахманов // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2015. – № 6. – С. 191-195.
11. Рахманов, Б.Р. К вопросу о первоисточниках восточных повестей О.И. Сенковского / Б.Р. Рахманов // Вестник Таджикского национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2015. – № 4/9 (185). – С. 262-268.
12. Рахманов, Б.Р. О таджикско-персидском первоисточнике восточных повестей О.И. Сенковского / Б.Р. Рахманов // Вестник Таджикского национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2015. – № 4/7 (180). – С.149-153.
13. Рахманов, Б.Р. «Гулистан» Саади как первоисточник «восточной» повести Ф.В. Булгарина «Милость и правосудие» / Б.Р. Рахманов // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2016. – № 2 (53). – С. 214-219.
14. Рахманов, Б.Р. К вопросу об источнике восточной повести О.И. Сенковского «Что такое люди!» / Б.Р. Рахманов // Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 4. – С.125-135.
15. Рахманов, Б.Р. Мотивы милости и правосудия в «восточных» повестях Ф.В. Булгарина / Б.Р. Рахманов, М.С. Имомзода // Вестник ТюмГУ. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2016. – Том 2. – № 4. – С. 87-99.
16. Рахманов, Б.Р. Назидательная тематика восточных повестей Ф.В. Булгарина / Б.Р. Рахманов, М.С. Имомзода // Вестник Таджикского национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2016. – № 4/4 (206). – С.162-170.
17. Рахманов, Б.Р. К вопросу об оценке персидско-таджикской литературы западноевропейскими ориенталистами (И.В. Гете) / Б.Р. Рахманов // Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 1. – С. 102-109.
18. Рахманов, Б.Р. К вопросу об оценке персидско-таджикской литературы западноевропейскими ориенталистами (А. Журден) / Б.Р. Рахманов // Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 1. – С. 110-122.
19. Рахманов, Б.Р. Персидско-таджикская литература в оценке русских писателей первой трети XIX века / Б.Р. Рахманов // Вестник Таджикского национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2017. – № 4/5. – С. 152-156.
20. Рахманов, Б.Р. К истории перевода одной газели / Б.Р. Рахманов, Дилрабои Одилходжа // Вестник Таджикского национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2017. – № 4/5. – С. 220-225.
21. Рахманов, Б.Р. Интерпретация образа пери и дива в поэме «Див и пери» А.И. Подолинского / Б.Р. Рахманов // Вестник Таджикского национального университета. Серия Филология. – Душанбе: Сино, 2018. – № 1. – С. 208-216.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 10.05.2018. Подписано в печать 20.05.2018.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Формат 60x84_{1/16}. Услов. печ. л. 3,1.
Тираж 100 экз. Заказ № 334.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсун-заде-30